Счастливчик

Автор:
Николас Спаркс

Счастливчик

Николас Спаркс

Романтика любви

Логан Тибо, не раз рисковавший жизнью в «горячих точках» планеты, свято верил: его хранила от смерти случайно найденная фотография смеющейся красавицы, имени которой он так и не смог узнать.

Можно ли влюбиться в женщину, которую никогда не встречал?

Вернувшись домой, Логан решает найти ответ на этот вопрос.

Чтобы отыскать изображенную на фотографии девушку, он проходит тысячи километров – и в итоге встречается с ней.

Но нужен ли он той, чья сияющая улыбка спасала его от гибели? И суждено ли ему подарить ей счастье?

Николас Спаркс

Счастливчик

Этот роман – художественное произведение. Имена, герои, места и происшествия, упомянутые в нем, – плод воображения автора. Любое совпадение с реальными событиями, названиями населенных пунктов и именами реальных людей случайно.

Посвящается Джейми Раабу и Деннису Дэлримплу

Год, который нужно помнить…

и год, который нужно забыть.

Я всегда думаю о вас.

Nicholas Sparks

THE LUCKY ONE

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Park Literary Group LLC и Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Nicholas Sparks, 2008

© Перевод. Е.И. Филиппова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

От автора

Написание книги – процесс коллективный, и, как всегда, я должен сказать спасибо множеству людей, благодаря которым у меня хватило сил и

возможностей закончить этот роман. Разумеется, есть много способов воздать должное этим людям за их старания, поэтому я подумал, что поблагодарю всех по-разному, во всяком случае, если верить списку, который я составил при помощи «Гугла», прежде чем написать эти строки. (А если не поискать заранее, разве можно сразу назвать каждый из этих языков?)

Список, конечно, возглавляет моя жена Кэти. Она больше, чем кто бы то ни было, помогает мне сосредотачиваться и концентрироваться на самом важном в жизни. Я говорю сыновьям, что им крупно повезет, если они когда-нибудь женятся на женщине, похожей на их мать. Thank you!

Дальше идут дети: Майлс, Райан, Лэндон, Лекси и Саванна, увековеченные (весьма забавным образом) в именах героев в моих предыдущих романах. Их объятия – величайших дар из всех возможных. Muchas gracias!

А потом? Мой литературный агент Тереза Парк, которой я всегда благодарен. Иногда отношения между агентом и автором складываются непросто, или я так слышал от других агентов или авторов. Но если говорить откровенно, для меня работа с Терезой складывалась просто чудесно и фантастически, с тех пор как мы в первый раз поговорили по телефону еще в 1995 году. Она самая лучшая: она не только умна и терпелива, но и обладает здравым смыслом в большей степени, чем почти все мои знакомые. Danke sch?n!

Дениз Ди Нови, моя подруга и кинопродюсер, еще один человек, за знакомство с которым я благодарю Бога. Она спродюсировала три моих фильма, включая «Ночи в Роданте», «Послание в бутылке» и «Спеши любить», и это сделало меня одним из самых удачливых писателей на свете. Merci beaucoup!

Дэвид Янг, потрясающий человек, генеральный директор «Гранд сентрал паблишинг», всегда оказывал мне исключительную поддержку, мне повезло работать с ним. Arigato gozaimasu!

Дженнифер Романелло, специалист по рекламе и подруга, превращала рекламу для меня в бесконечно интересное и увлекательное действо на протяжении последних тринадцати лет. Grazie!

Эдна Фарли, моя «телефонная» подруга, организует практически все и решает любую проблему, которая возникает на моем пути, когда я путешествую. Она не

только потрясающий человек, но и обладает неиссякаемым оптимизмом, а это я научился ценить. Tapadh leibh!

Хови Сандерс, мой киноагент и друг, – это еще один член клуба под названием «Я уже долго работаю с этим писателем. А моя жизнь от этого становится только лучше». Toda raba!

Кейя Хайятиан, еще один мой киноагент, – потрясающий человек, который никогда не жалеет на меня времени. Merci! Или, если предпочитаешь, Mamnoon!

Харви-Джейн Коваль и Сона Фогель, мои литературные редакторы, отличаются невероятным терпением, учитывая тот факт, что я всегда затягиваю со сроками. Им приходится выискивать все маленькие ошибочки в моих романах (ну ладно, и большие ляпы тоже), и, к несчастью, я редко уделяю им достаточно времени. Так что если найдете ошибку (а это возможно), не вините их. Вините меня. Они потрясающе справляются со своей работой. Вам обеим от меня Спасибо!

Скотт Швимер, мой юрист в сфере индустрии развлечений, – один из тех парней, которые заставляют хмуриться над шутками юристов. Он прекрасный человек и просто великолепный друг. Liels paldies!

Тысяча благодарностей Марти Боуэну, Кортенай Валенти, Эбби Кунс, Шерон Крэссни, Линн Харрис и Марку Джонсону. Efharisto poli!

Элис Артур, мой фотограф, всегда готова в мгновение ока сделать фантастический снимок, за который я всегда ей благодарен. Toa chie! Или: Xie xie!

Флэг к тому же придумала чудесную обложку. Shukran gazilan!

Том Маклахлин, директор Школы Крещения Господня, которую помогли основать мы с женой, сделал мою жизнь богаче и полнее, с тех пор как мы начали работать вместе. Obrigado!

И наконец, Дэвиду Симпсону, моему коллеге-наставнику в средней школе Нью-Берн, Mahalo nui loa!

P.S. Я написал «спасибо» на английском, испанском, немецком, французском, японском, итальянском, гаэльском, иврите, фарси (персидском), русском, латвийском, греческом, китайском, арабском, португальском и гавайском языках. По крайней мере согласно сайту, который я нашел в Интернете. Думаете, ему можно верить?

Глава 1

Клейтон и Тибо

Полицейский Кит Клейтон не слышал, как они подошли, причем совсем близко. Вид у них был ничуть не лучше, чем в прошлый раз. Отчасти дело было в собаке. Клейтон не любил немецких овчарок, а эта, хоть и вела себя вполне спокойно, напоминала ему Пэнтер – собаку, которая работала с полицейским Кенни Муром и по первой команде молниеносно вцеплялась подозреваемому в пах. Вообще Клейтон считал Мура идиотом, но только он мог в какой-то степени считаться его другом в управлении. К тому же Клейтон не мог не признать, что Мур рассказывает такие истории об этих укусах в пах, что он, Клейтон, заходится от хохота. И уж Мур точно оценил бы небольшое нудистское празднество, которое прервал Клейтон, выследив парочку студенток, загоравших на берегу реки во всей своей утренней красе. Он не просидел в укрытии и пары минут и успел сделать лишь несколько снимков на цифровой фотоаппарат, когда увидел, как третья девушка появилась из-за куста гортензий. Быстро кинув фотоаппарат в заросли, он вышел из-за дерева, и через мгновение они со студенткой столкнулись лицом к лицу.

– Так, и что же здесь происходит? – протянул он, вынуждая ее защищаться.

Его раздражал тот факт, что его поймали, и совершенно не радовало столь скучное начало разговора. Обычно он вел себя дружелюбнее. Намного дружелюбнее. К счастью, девушка была слишком сильно смущена, чтобы обратить на это внимание, и чуть не споткнулась, когда попятилась. Она заикаясь сказала что-то в ответ, пытаясь прикрыть себя руками. Это выглядело так, словно она сама с собой играла в «Твистер».

Он и не старался отвести взгляд, а лишь улыбался, притворяясь, будто не замечает ее обнаженного тела, словно каждый день налетал на голых женщин в лесу. Он уже точно знал, что она не догадывается о фотоаппарате.

– А теперь успокойтесь. Что происходит? – спросил он.

Он прекрасно знал, что происходит. Это случалось несколько раз каждым летом, особенно в августе: студенты из Чапел-Хилл или других городков Северной Каролины, направляясь на пляж на Эмералд-Айл на последний долгий уик-энд перед началом учебы осенью, часто заворачивали на старую лесовозную дорогу, которая, петляя, врезалась в национальный лесопарк примерно на милю и заканчивалась там, где приток Суон-Крик резко поворачивает к Саут-Ривер. Там находился галечный пляж, который стал популярным местом у нудистов – почему, Клейтон понятия не имел, – так что он взял себе за правило прогуливаться неподалеку на тот случай, если повезет. Две недели назад ему довелось созерцать шесть красавиц, сегодня, правда, было только три, и две из них, которые только что нежились на полотенцах, уже потянулись за рубашками. Хотя одна была несколько крупновата, две другие, включая брюнетку, стоявшую перед ним, могли похвастаться фигурами, которые сводят с ума молодых студентов. И полицейских.

– Мы не знали, что здесь кто-то есть! Надеялись, все будет в порядке!

На ее лице отразилась такая невинность, что Клейтон подумал: «Неужели папочка не испытал бы чувство гордости, узнав, чем занимается его маленькая девочка?» Его развеселила мысль о том, что бы она на это ответила, но поскольку на нем была форма, он понимал, что придется сказать что-то официальное. Кроме того, он знал, что ставит свое везение под угрозу: если вылетит хоть слово о том, что сотрудники шерифа патрулируют эту местность, ни одной студентки здесь больше не появится, а такая перспектива его отнюдь не прельщала.

– Пойдемте поговорим с вашими подругами.

Он последовал за ней к пляжу, наблюдая, как она тщетно пытается прикрыть ягодицы, и наслаждаясь этим небольшим спектаклем. К тому времени как они вышли из-за деревьев на открытый участок у реки, подруги успели надеть рубашки. Брюнетка, покачнувшись, бросилась к остальным и проворно

потянулась к полотенцу, опрокинув при этом пару пивных банок. Клейтон шагнул к ближайшему дереву.

– Вы что, не видели знак?

Их взгляды тотчас устремились в указанном направлении. Люди – это овцы, ждущие очередного приказа, подумал он. Знак, маленький и едва заметный под низкими ветвями старого дуба, повесили по приказу судьи Кендрика Клейтона, который приходился Киту дядей. Идею установки знака подал Кит: он знал, что запрет со стороны властей только усилит притягательность этого места.

– Мы его не видели! – воскликнула брюнетка, вновь повернувшись к нему. – Мы не знали! Мы услышали об этом месте лишь пару дней назад! – Она продолжала протестовать, сражаясь с полотенцем; остальные же были слишком напуганы, чтобы заниматься чем-то еще, кроме натягивания трусиков от бикини. – Мы здесь вообще впервые!

Это прозвучало как жалобная мольба, и возникло ощущение, будто она юная грешница, только ступившая на путь порока. Как и остальные. У них был именно такой вид.

– Вам известно, что обнажение в общественных местах является в нашей стране уголовным преступлением?

Он заметил, как их лица побледнели еще больше, и понял, что они задумались, какое пятно оставит это мелкое правонарушение на их репутации. Было забавно за этим наблюдать, но он напомнил себе не заходить слишком далеко.

– Как вас зовут?

– Эми. – Брюнетка сглотнула. – Эми Уайт.

– Откуда вы?

– Чапел-Хилл. Но родом я из Шарлотта.

– Я тут вижу кое-какой алкоголь. Вам всем уже больше двадцати одного года?

Впервые остальные тоже подали голос:

– Да, сэр.

– Ладно, Эми. Я скажу вам, что я сделаю. Я поверю вам на слово, что вы действительно не видели знак и уже достигли того возраста, когда разрешено употреблять спиртные напитки. В общем, я не буду устраивать из этого большой скандал и сделаю вид, как будто меня здесь не было. Но только если вы пообещаете не говорить моему боссу, что я избавил вас троих от наказания.

Они засомневались, можно ли ему верить.

– Правда?

– Правда, – ответил он. – Я тоже когда-то был студентом. – На самом деле не был, но он знал, что эта фраза хорошо звучит. – И вы, наверное, хотите одеться. Мало ли что, здесь ведь могут шнырять какие-то люди. – Он одарил девушек улыбкой. – И потрудитесь убрать банки, ладно?

– Хорошо, сэр.

– Благодарю. – Он повернулся, чтобы уйти.

– И все?

Обернувшись, он вновь одарил их улыбкой:

– И все. И будьте внимательнее.

Клейтон пробирался через низкие кусты, склоняясь под ветвями, которые то и дело попадались ему на пути, к патрульной машине, и думал, что у него все хорошо получилось. Правда, очень хорошо. Эми в самом деле улыбнулась ему, и, уходя, он тешил себя мыслью, что было бы неплохо развернуться и попросить номер ее телефона. Нет, решил он, лучше просто уйти. Вероятнее всего, когда они вернутся, то расскажут подругам, что хотя их поймал шериф, ничего страшного не случилось. Постепенно распространятся слухи о том, что местные

полицейские – отличные парни. И все же, продираясь через лес, Кит надеялся, что снимки вышли как надо. Они станут прекрасным дополнением к его маленькой коллекции.

Несмотря ни на что, день выдался великолепный. Клейтон как раз собирался отправиться обратно за фотоаппаратом, когда услышал свист. Он пошел на звук по направлению к лесовозной дороге и увидел незнакомца с собакой, который медленно шагал по обочине. Этот человек чем-то напоминал хиппи шестидесятых годов.

Незнакомец не имел отношения к девушкам. Клейтон был в этом уверен. Прежде всего парень был староват для студента: возраст его точно приближался к тридцати. Длинные волосы напомнили Клейтону птичье гнездо, а на спине его Клейтон различил рюкзак, из которого выглядывал спальный мешок. Явно не отдыхающий, который на день приехал на пляж. У этого парня был вид бывалого туриста, может, он останавливался в кемпингах. И уж конечно, никто не знал, как долго он был здесь и что видел.

Вроде того, что Клейтон снимал фотографии?

Маловероятно. Просто невозможно. Кит удалился от главной дороги, кусты были густые, и он точно услышал бы, как кто-то пробирается через лес. Верно? И все же весьма странное место для пешего туриста. Здесь казалось, будто ты вдали от всего света, и меньше всего Клейтон хотел, чтобы кучка хипповатых неудачников лишила его поста наблюдения за студентками.

К тому моменту незнакомец уже прошел мимо. Он поравнялся с патрульной машиной и направился к джипу, на котором приехали девушки. Клейтон ступил на дорогу и откашлялся. Незнакомец и собака обернулись на этот звук.

Незнакомца, похоже, не удивило внезапное появление Клейтона, как и собаку, и было во взгляде этого человека что-то такое, что вызывало беспокойство. Как будто он ожидал, что перед ним вдруг возникнет Клейтон. То же самое и с немецкой овчаркой. На ее морде отражалось отчуждение и в то же время настороженность, как будто она все понимала; так же выглядел Пэнтер, когда Мур отпускал его с поводка. Желудок Клейтона резко сжался.

Целую минуту они пристально смотрели друг на друга. Клейтон уже давно понял, что его форма наводит страх на большинство окружающих. Все, даже люди ни в чем не повинные, начинали нервничать перед лицом закона, и он решил, этот парень не станет исключением. Это была одна из причин, по которым ему нравилось работать в полиции.

– У вас есть поводок для собаки? – спросил Клейтон так, чтобы это прозвучало скорее как приказ, а не вопрос.

– Он в рюкзаке.

Клейтон не уловил никакого акцента. «Произношение Джонни Карсона[1 - Джонни Карсон – популярный американский комедийный актер и юморист, который вел собственное шоу. – Здесь и далее примеч. пер.]», – как говорила его мать.

– Наденьте его псу.

– Не беспокойтесь. Он и с места не сдвинется, если я не скомандую.

– Все равно наденьте.

Незнакомец опустил рюкзак и принялся в нем копаться; Клейтон вытянул шею, надеясь высмотреть хоть что-нибудь, похожее на наркотики или оружие. Через мгновение, зацепив поводок за ошейник собаки, незнакомец повернулся к нему с таким выражением лица, словно хотел сказать: «И что дальше?»

– Что вы здесь делаете? – пожелал знать Клейтон.

– Я пеший турист.

– Великоватый рюкзак для туризма.

Мужчина ничего не ответил.

– Или, быть может, вы шныряете здесь, чтобы насладиться видами?

– А что, сюда ходят как раз за этим?

Клейтону не понравился намек и его тон.

– Я бы хотел взглянуть на ваше удостоверение личности.

Незнакомец снова склонился над рюкзаком и выудил оттуда паспорт. Он вытянул руку и раскрыл ладонь перед собакой, приказав ей остаться на месте, затем шагнул к Клейтону и передал ему документ.

– А водительские права?

– У меня их нет.

Клейтон прочитал его имя, медленно шевеля губами.

– Логан Тай-болт[2 - Клейтон ошибается: фамилия читается как «Тибо». В дальнейшем он будет умышленно повторять свою ошибку.]?

Незнакомец молча кивнул.

– Откуда вы?

– Из Колорадо.

– Долго же вы сюда добирались.

Незнакомец ничего не ответил.

– Вы направляетесь в какое-то определенное место?

– Сейчас я собираюсь в Арден.

– А что такого интересного в Ардене?

– Не имею понятия. Я пока там не был.

Клейтон нахмурился, услышав такой ответ. Слишком скользко. Слишком… вызывающе? Слишком странно. Как бы там ни было. Вдруг он понял, что ему не нравится этот парень.

– Подождите здесь, – сказал он. – Вы ведь не возражаете, если я проверю документ?

– Да, пожалуйста.

Направляясь к машине, Клейтон бросил взгляд через плечо и увидел, как мужчина полез в рюкзак и достал маленькую миску, а потом вылил в нее бутыль воды. Как будто ему на все было наплевать.

«Мы все выясним, ведь так?» В патрульной машине Клейтон сообщил по радиосвязи имя и уже начал произносить его по буквам, когда его перебила диспетчер:

– Тибо, как Ти-боу, а не Тай-болт. Это французская фамилия.

– Да какая разница, как она произносится?

– Я просто говорю…

– Да не важно, Мардж. Просто проверь, ладно?

– А он похож на француза?

– Откуда я знаю, черт возьми, как выглядят французы?

– Мне просто любопытно. Не стоит так из-за этого раздражаться. Я тут немного занята…

Да, очень занята, подумал Клейтон. Поеданием пончиков, вероятнее всего. Мардж уничтожала как минимум дюжину «Криспи кримз» в день. Должно быть,

она весит не меньше трехсот фунтов.

В окно он увидел, как незнакомец сидит на корточках рядом с собакой и что-то ей шепчет, пока она лакает воду. Клейтон покачал головой. Разговаривает с животными. Ненормальный. Как будто собака способна понимать что-то еще, кроме основных команд. Его бывшая жена тоже так себя вела. Эта женщина относилась к собакам как к людям, и ему следовало бы изначально держаться от нее подальше, учитывая это.

– Не могу ничего найти, – услышал он голос Мардж. Было похоже, что она что-то жует. – Никаких действующих ордеров не вижу.

– Уверена?

– Да, уверена. Я знаю свое дело.

Словно услышав разговор, незнакомец взял миску и затолкал ее обратно в рюкзак, а потом закинул его за плечо.

– А еще поступали какие-нибудь необычные вызовы? Вроде того, что в округе околачиваются подозрительные личности и все такое?

– Нет. Сегодня утром все тихо. А ты, кстати, где? Твой отец тебя искал.

Отец Клейтона был шерифом округа.

– Скажи, что я скоро вернусь.

– Похоже, он рвет и мечет.

– Просто сообщи ему, что я патрулировал местность, ладно?

«Чтобы он понял, что я работал», – не потрудился добавить Клейтон.

– Хорошо.

Уже лучше.

– Мне надо идти.

Он вернул радиоустройство на место и сел, ощутив легкий укол разочарования. Было бы весело посмотреть на этого длинноволосого парня за решеткой. Братья Лэндри устроили бы ему веселую жизнь. Они всегда попадали в камеру вечером в субботу за пьянство и буйное поведение, нарушение общественного порядка и драки, как правило, друг с другом. Но только не в камере. Там они выбирали общую жертву.

Клейтон потеребил ручку дверцы машины. И почему его отец взбесился на этот раз? Старик начинал действовать ему на нервы. «Сделай это. Сделай то. Ты уже вручил эти документы? Почему опоздал? Где ты был?» Все чаще ему хотелось сказать папаше, чтобы он занимался своими чертовыми делами. Старик все еще думал, что именно он заправляет всем в округе.

Не важно. Он полагал, что он все узнает рано или поздно. А теперь настало время выгнать отсюда этого хиппи-неудачника, пока не вышли девушки. Ведь это место нужно сохранить в тайне, правда? Тупицы-хиппи могут здесь все испортить.

Клейтон вышел из машины, закрыв за собой дверцу. Собака склонила голову набок, наблюдая, как приближается Клейтон. Он вернул паспорт.

– Прошу прощения за неудобство, мистер Тай-болт. – На этот раз он намеренно исковеркал фамилию. – Я просто выполняю свою работу. Вы свободны, если, конечно, у вас в рюкзаке нет наркотиков или оружия.

– Нет.

– Позволите мне проверить это?

– Не хотел бы. Все-таки четвертая поправка существует.

– Я вижу спальный мешок. Вы останавливались здесь переночевать?

– Вчера ночью я был в округе Берк.

Клейтон изучал парня, раздумывая над ответом.

– Здесь не так много мест, где можно расположиться на ночлег.

Парень ничего не сказал.

Именно Клейтон отвел глаза.

– Лучше бы держать собаку на поводке.

– Думаю, в нашей стране нет закона, который обязывает держать собак на поводках.

– Нет. Это ради безопасности вашей собаки. По главной дороге ездит много машин.

– Буду иметь это в виду.

– Тогда ладно. – Клейтон уже повернулся, но решил задержаться еще на мгновение. – Если вы не возражаете, я хотел бы спросить: как долго вы здесь находитесь?

– Я только пришел. А что?

Что-то в его ответе озадачило Клейтона, и он поколебался, прежде чем напомнить себе снова: парень никак не мог узнать, чем он занимался.

– Ничего.

– Можно идти?

– Да, идите.

Клейтон смотрел, как незнакомец и его собака прошли по лесовозной дороге, прежде чем свернуть на маленькую тропинку, которая вела в густой лес. Когда он исчез, Клейтон вернулся на наблюдательный пост, чтобы найти фотоаппарат. Он засунул руку в кусты, попинал ногами сосновые иголки и несколько раз прогулялся по своим следам, чтобы удостовериться: он в нужном месте. В конце концов он опустился на колени, и его охватила паника. Фотоаппарат принадлежал управлению шерифа. Он одалживал его только для этих особых прогулок, и у отца возникнет масса вопросов, если обнаружится, что фотоаппарат пропал. Еще хуже будет, если фотоаппарат найдут с картой памяти, забитой снимками голых красоток. Его отец строго придерживался протокола и отличался ответственным подходом к делу.

Прошло еще несколько минут. Клейтон услышал, как где-то неподалеку взревел мотор автомобиля. Он решил, что это уезжают студентки, и лишь на мгновение задумался над тем, что может прийти им в голову, когда они заметят, что его патрульная машина до сих пор здесь. У него были дела поважнее.

Фотоаппарат исчез.

Не потерялся. Исчез. И эта чертова штука совершенно точно не ушла на своих двоих. Не может быть также, что ее нашли девушки. А это означало, что Тай-болт просто его одурачил. Тай-болт. Одурачил. Его. Невероятно. Он знал, что этот тип ведет себя слишком хитро, в духе героев фильма «Я знаю, что вы сделали прошлым летом».

Нет, это ему с рук не сойдет. Ни одному грязному хипповатому идиоту, который разговаривает с собаками, никогда не удастся разоблачить Кита Клейтона. Не в этой жизни, во всяком случае.

Он пробрался через ветви на главную дорогу, рассчитывая догнать Логана Тай-болта и устроить небольшой досмотр. И это только для начала. Дальше – больше, это наверняка. Парень разыграл его? Так не делается. По крайней мере в этом городке. И Киту плевать на собаку. Собака выйдет из себя? Тогда пока, песик. Просто, как дважды два. Немецкие овчарки не менее опасны, чем оружие, не найдется ни одного суда на этой земле, где этот аргумент не оценят по достоинству.

Однако в первую очередь нужно заняться самым важным. Найти Тай-болта. Забрать фотоаппарат. А лишь потом решить, что предпринять дальше.

И лишь чуть позже, добравшись до патрульной машины, он понял: обе его задние шины спущены.

– Как, ты сказал, тебя зовут?

Пару минут спустя Тибо уже сидел на переднем сиденье открытого джипа, повернувшись назад, и пытался перекричать рев ветра.

– Логан Тибо. – Он ткнул большим пальцем за плечо: – А это Зевс.

Зевс расположился на заднем сиденье, высунув язык и подставив нос под порывы ветра, в то время как джип мчался по направлению к скоростной трассе.

– Красивая собака. Меня зовут Эми. А это Дженнифер и Лори.

Тибо бросил взгляд через плечо:

– Привет.

– Привет.

Они выглядели растерянно. Неудивительно, подумал Тибо, учитывая, что им пришлось пережить.

– Спасибо, что согласились подвезти.

– Пустяки. Ты сказал, что едешь в Хэмптон?

– Если это недалеко.

– Это как раз по пути.

Удалившись от дороги, Тибо кое о чем позаботился и вернулся на обочину, как раз когда девушки выезжали из леса. Он поднял большой палец, благодаря судьбу за то, что с ним рядом Зевс, и они почти тут же остановились.

Иногда все складывается исключительно так, как должно.

И хотя он притворился, что видит девушек впервые, на самом деле заметил их еще с утра, когда они только приехали. Тибо остановился на ночлег у холмов рядом с пляжем, но решил оставить девушек во вполне заслуженном уединении, как только они начали раздеваться. По его мнению, то, что они делали, подпадало под категорию «нет ущерба, нет и нарушения». Если не считать его, они были там совершенно одни, а он не собирался расхаживать вокруг и таращиться на них. Кому какое дело до того, что они снимут одежду или, если уж на то пошло, вырядятся в костюмы цыплят? Его это не касалось, и он думал оставить все как есть, пока не увидел полицейского, приехавшего на машине управления шерифа по округу Хэмптон.

Он внимательно рассмотрел полицейского через лобовое стекло: в выражении его лица было что-то не то. Трудно точно сказать что, и Тибо не стал останавливаться, чтобы в этом разобраться. Он повернулся и скрылся в лесу, а потом увидел, как полицейский проверил карту памяти в фотоаппарате и тихо закрыл дверь патрульной машины. Тибо наблюдал, как он крался к холму. Тибо понимал, что, возможно, полицейский просто исполняет свои должностные обязанности, но он выглядел так же, как Зевс в ожидании куска вяленой говядины. Слишком возбужден всем происходящим.

Тибо приказал Зевсу оставаться на месте, а сам держал достаточную дистанцию, чтобы полицейский его не услышал. И вдруг у него родился план действий. Он знал, что открытая конфронтация ни к чему не приведет: полицейский скажет, что собирал доказательства, а сила его слова против заявления чужака окажется непоколебимой. Любое физическое воздействие тоже исключалось, в основном потому, что могло принести больше проблем, чем пользы, хотя Тибо не отказался бы сойтись с этим парнем лицом к лицу. К счастью – или к несчастью, подумал он, если учесть дальнейший вариант развития событий, – появилась девушка, полицейский запаниковал, а он выследил, куда приземлился фотоаппарат. Как только полицейский и девушка отправились к ее подругам, Тибо завладел фотоаппаратом. Теперь он мог просто уйти, но этому парню следовало преподать урок. Не особо сложный урок, а просто урок, который позволит девушкам сохранить честь, Тибо – продолжить

путь, а полицейскому – испортить день. Вот почему он не поленился вернуться, чтобы проткнуть шины полицейской машины.

– О, я тут вспомнил кое о чем, – начал Тибо. – Я нашел в кустах ваш фотоаппарат.

– Но у меня не было с собой фотоаппарата. Лори или Джен, кто-нибудь терял фотоаппарат?

Обе покачали головами.

– Возьмите его себе в любом случае, – сказал Тибо, положив его на сиденье. – И спасибо, что подвезли. А у меня фотоаппарат уже есть.

– Уверен? Он, наверное, дорогой.

– Берите, берите.

– Спасибо.

Тибо заметил, как тени играют на лице девушки, и подумал, что она хороша, как истинная женщина большого города, с острыми чертами лица, смуглой кожей и карими глазами с ореховыми вкраплениями. Он представил, что мог бы любоваться ею часами.

– Эй… а какие у тебя планы на эти выходные? – поинтересовалась Эми. – Мы все собираемся на пляж.

– Спасибо за предложение, но я не могу.

– Готова поспорить, у тебя свидание с твоей девушкой, правда?

– С чего ты взяла?

– Просто у тебя именно такой вид.

Он отвернулся.

– Что-то вроде того.

Глава 2

Тибо

Странно размышлять о том, какие неожиданные повороты делает человеческая жизнь. Год назад Тибо с радостью ухватился бы за возможность провести выходные с Эми и ее подругами. Возможно, именно это ему и было нужно, но когда они высадили его в окрестностях Хэмптона в самом пекле августовской жары, он помахал им на прощание и ощутил странное облегчение. Изображать обычного человека было утомительно.

Покинув Колорадо пять месяцев назад, он не проводил ни с кем больше пары часов. Единственным исключением стал пожилой хозяин молочной фермы, живущий к югу от Литл-Рока. Он позволял Тибо ночевать в пустующей спальне на втором этаже после ужина, за которым фермер говорил не больше, чем сам Тибо. Он был признателен этому человеку: тот не считал нужным давить на него и выпытывать, почему он ведет себя именно так. Никаких вопросов, никакого любопытства, никаких прозрачных намеков. Лишь спокойное согласие с тем, что у Тибо нет настроения разговаривать. В знак благодарности Тибо задержался у него на пару дней, чтобы помочь починить крышу сарая, а потом вновь отправился в путь с нагруженным рюкзаком, и Зевс потрусил за ним.

Если не считать поездки с девушками, он прошел все расстояние пешком. После того как он оставил ключи от квартиры в кабинете управляющего в середине марта, он сносил восемь пар обуви, питался в основном батончиками «Пауэрбар» и водой во время долгих одиноких переходов между городами, а как-то раз в Теннесси съел пять высоких стопок блинов, после того как почти три дня не ел. Вместе с Зевсом он шел вперед сквозь бури, град и дождь и такую сильную жару, что кожа на его руках покрылась волдырями; он видел торнадо на горизонте близ Талсы, что в Оклахоме, и дважды чудом избежал удара молнии. Он часто выбирал окольные пути, стараясь держаться подальше от главной дороги и еще больше удлиняя путешествие, иногда просто повинуясь внезапному порыву. Обычно он шел до тех пор, пока его не охватывала

усталость, и к концу дня начинал искать место для ночлега – такое, где, как ему казалось, ни его, ни Зевса не должны потревожить. Утром они снова отправлялись в путь еще до рассвета, чтобы никто ничего не узнал. И пока никто им не докучал.

Он подсчитал, что в среднем проходит более двадцати миль за день, хотя никогда не следил за временем или расстоянием специально. Цель путешествия состояла не в этом. Он полагал, будто некоторые думают, что он идет с целью обогнать воспоминания о мире, который оставил позади, и это представлялось весьма романтичным; другие же предпочитали верить, что он идет исключительно ради самого путешествия. Но и те и другие ошибались. Ему нравилось идти, и ему надо было кое-куда добраться. Проще простого. Ему нравилось идти тогда, когда хочется, в темпе, который его устраивает, идти туда, где он желает оказаться. После четырех лет исполнения приказов в морской пехоте свобода манила его.

Мать волновалась за него, но, в конце концов, все матери волнуются. Его мать в любом случае. Он звонил ей каждые несколько дней и сообщал, что у него все в порядке, а потом, повесив трубку, часто думал, что несправедлив к ней. Он отсутствовал большую часть времени за последние пять лет и перед каждым из трех отъездов в Ирак внимательно слушал ее наставления по телефону, когда она увещевала его не делать глупостей. Он и не делал, но много раз оказывался на волосок от смерти. И хотя он сам никогда об этом не рассказывал, она читала об этих случаях в газетах.

«А теперь еще и это, – сокрушалась мать вечером накануне его ухода. – Вся эта затея, по-моему, сущее сумасшествие».

Может, и так. А может, и нет. Он сам еще не понял.

– А ты как думаешь, Зевс?

Пес поднял голову, услышав свое имя, и потерся о бок хозяина.

– Да, знаю. Ты голоден. Что у нас есть хорошего?

Тибо устроил привал на парковке ветхого мотеля на окраине города. Он достал миску и положил в нее последнее, что осталось из собачьей еды. Пока Зевс ел,

Тибо рассматривал этот небольшой город.

Он видел места и похуже Хэмптона, но и получше тоже. Город раскинулся на берегах Саут-Ривер, примерно в тридцати пяти милях к северо-западу от Уилмингтона и побережья и на первый взгляд, казалось, не отличался от тысячи других самодостаточных сообществ голубых воротничков, у которых есть своя гордость и история, объединяющая многие земли Юга. Несколько светофоров покачивалось на отвисших проводах, периодически перебивая транспортный поток по направлению к мосту, обнимавшему реку. А по обе стороны основной дороги располагались низенькие кирпичные строения, слепившиеся друг с другом, они растянулись на полмили, сияя вывесками с названиями и рекламой заведений, где можно перекусить, или выпить, или купить какое-нибудь оборудование. Кое-где росли старые магнолии, оплетая бугристыми корнями тротуар. На отдалении Тибо заметил старомодный красно-белый столбик – обозначение парикмахерской – и, как водится, группку пожилых мужчин на скамейке у входа. Он улыбнулся. Это было чудно, словно видение из пятидесятых.

При ближайшем рассмотрении он все же почувствовал, что первые впечатления обманчивы. Несмотря на близость воды, или, вероятно, именно из-за нее, как подозревал Тибо, можно было заметить признаки разрушения – в крышах, в крошащихся кирпичах у фундаментов, в омерзительных выцветших пятнах на пару футов выше фундаментов, которые говорили о былых затоплениях. Ни один из магазинов еще не заколотили досками, но, обнаружив, как мало автомобилей припарковалось напротив зданий коммерческих фирм, Тибо задался вопросом: сколько еще они смогут протянуть? Деловые центры маленьких городов развивались по пути динозавров. А если это место такое же, как и остальные города, через которые он прошел, то, по его мнению, здесь наверняка уже появился еще один, более новый деловой район, который уже оккупировали «Уол-март» или «Пиггли-Уиггли». Скоро придет конец существованию этой части города.

И все же странно. Быть здесь. Он и сам толком не знал, каким представлял себе Хэмптон, но уж точно не таким.

Не важно. Пока Зевс доедал, Тибо размышлял над тем, долго ли ему придется ее искать. Женщину с фотографии. Женщину, с которой он жаждет встретиться.

Но он найдет ее. Это наверняка. Он поднял рюкзак.

– Ты готов?

Зевс склонил голову.

– Пойдем поищем комнату, где остановиться. Я хочу поесть и принять душ. А тебе не помешает ванна.

Тибо сделал пару шагов, прежде чем понял, что Зевс не сдвинулся с места. Тибо бросил взгляд, обернувшись к псу:

– Не надо так на меня смотреть. Тебе определенно нужно помыться. Ты воняешь.

Зевс все еще стоял не шелохнувшись.

– Отлично. Поступай как знаешь. Я иду.

Он направился в кабинет управляющего, чтобы зарегистрироваться, зная, что Зевс последует за ним. Ведь, в конце концов, Зевс всегда так делал.

До того как Тибо нашел фотографию, его жизнь протекала так, как он затеял еще давно. У него всегда был план. Он хотел успешно окончить школу, и сделал это; он хотел освоить разные виды спорта и вырос, играя в самые разнообразные игры. Он хотел научиться играть на скрипке и пианино и преуспел настолько, что смог сам сочинять музыку. После Университета Колорадо он собирался в морскую пехоту, и вербовщик был доволен тем, что он решил пойти на военную службу, а не стать офицером. Шокирован, но доволен. Большинство выпускников отнюдь не горели желанием стать пехотинцами, а он хотел именно этого.

Теракт во Всемирном торговом центре вряд ли имел связь с его решением. Наоборот, вступление в ряды вооруженных сил казалось Тибо чем-то естественным, ведь его отец прослужил в морской пехоте двадцать пять лет. Отец начинал обычным рядовым, а закончил одним из тех непреклонных седовласых сержантов, которые наводят страх на всех вокруг, кроме собственной жены и взводов, которыми командуют. Он относился к молодым людям как к сыновьям; его единственной целью, по его словам, было вернуть их домой к матерям живыми, здоровыми и уже повзрослевшими.

За все эти годы отец, должно быть, посетил более пятидесяти свадеб парней, которые не могли представить, как можно жениться без его благословения. И еще он был хорошим пехотинцем. Он получил «Бронзовую звезду»[3 - Медаль «Бронзовая звезда» вручается за участие в военных операциях, в том числе операциях по обеспечению боевых действий.] и два «Пурпурных сердца»[4 - Медаль «Пурпурное сердце» вручается за одно боевое ранение.] во Вьетнаме и успел послужить в Гренаде, Панаме, Боснии и поучаствовать в первой войне в Персидском заливе. Отец был военным, который не возражал против переводов, так что Тибо провел большую часть юности, переезжая с места на место, на базах по всему свету. В некотором смысле Окинава была ему роднее, чем Колорадо, и хотя японский он уже подзабыл, он считал, что после недели в Токио сможет вновь говорить так же бегло, как раньше. Подобно отцу, Тибо рассчитывал служить до пенсионного возраста и в отличие от него собирался жить после этого еще долгие годы и наслаждаться ими. Его отец скончался от сердечного приступа всего через два года, после того как повесил форму на вешалку в последний раз. Из-за обширного инфаркта, который грянул как гром среди ясного неба. Минуту назад он сгребал снег с подъездной аллеи, а минутой позже его не стало. Это случилось тринадцать лет назад. Тогда Тибо было пятнадцать.

Тот день и последовавшие за ним похороны были самыми отчетливыми воспоминаниями о его жизни до того, как он поступил в морскую пехоту. Когда растешь на военных базах, все обычно сливается в одно размытое пятно просто потому, что слишком часто приходится переезжать. Друзья приходят и уходят, одежда упаковывается и распаковывается, хозяйство непрерывно избавляется от ненужных вещей, и в результате лишь немногое удается сохранить. Иногда бывает трудно, но зато это делает ребенка сильнее в том смысле, который большинству людей понять не суждено. Так, ребенок узнает, что какие-то люди остаются позади, а их место неизбежно занимают новые и что в каждом новом городе или селении или на военной базе есть что-то хорошее или плохое. И поэтому ребенок быстрее растет.

Даже годы в университете Тибо помнил туманно, но и в этой главе его жизни царили свои собственные рутинные порядки. Учеба в будни, удовольствия в выходные, зубрежка к экзаменам, дерьмовая еда в общежитии и две подружки, одна из которых продержалась чуть больше года. Каждый, кто когда-нибудь учился в университете, мог рассказать пару таких же историй, которые вряд ли сильно повлияли на его жизнь. В конце концов осталось только образование. По правде говоря, Тибо не почувствовал вкус жизни до тех пор, пока не приехал в

центр приема новобранцев на Пэррис-Айленде для базовой подготовки. Едва он спрыгнул с подножки автобуса, сержант-инструктор принялся кричать ему прямо в ухо. Никто не заставит человека поверить, будто вся жизнь до этого не имела никакого значения, кроме как сержант-инструктор. Теперь ты в их руках, и точка. Занимаешься спортом? Отожмись пятьдесят раз, мистер Распасовщик. Учился в университете? Собери винтовку, Эйнштейн. Отец служил в морской пехоте? Помой сортир, как и твой старик когда-то. Все те же старые клише. Бегом, марш, стоять смирно, ползти по грязи, вскарабкаться на ту стену: для него в курсе основной подготовки не было ничего неожиданного.

Он должен был признать, что обучение по большей части удавалось. Оно ломало людей, затем еще больше их подавляло и в конце концов превращало в морских пехотинцев. Или, во всяком случае, они так утверждали. Он не сломался. Он работал как вол, не высовывался, выполнял приказы и оставался таким же человеком, каким был до этого. И все же стал морским пехотинцем.

В итоге он попал в первый батальон пятого полка морской пехоты на базе «Кемп-Пендлтон». Сан-Диего был городом в его вкусе, с отличной погодой, великолепными пляжами и еще более прекрасными женщинами. Но это не продлилось долго. В январе 2003 года, сразу после того как ему исполнилось двадцать три, он оказался в Кувейте, участвуя в операции «Свобода Ираку». База «Кемп-Доха» в промышленной части города Кувейта использовалась со времен первой войны в Персидском заливе и сама по себе уже превратилась в небольшой городок. Там были спортзал и компьютерный центр, гарнизонная лавка, закусочные и палатки, простирающиеся до самого горизонта. Это бойкое место стало еще многолюднее в преддверии грядущего вторжения, и с самого приезда Тибо там царил хаос. Его дни на базе тянулись нескончаемой чередой долгих собраний, утомительных тренировок и репетиций наступления, план которого постоянно менялся. Должно быть, он успел поупражняться в надевании защитного костюма на случай химической атаки сотню раз. А еще по лагерю бродили множественные слухи. Самое сложное было выяснить, где правда, где ложь. Каждый знал о ком-то, кто знал кого-то, кто слышал реальные новости. Сегодня они неминуемо переходят в наступление, а завтра понимают, что все откладывается. Сначала они должны были атаковать с севера и юга, затем только с юга, а может быть, даже не так. Они слышали, что у противника есть химическое оружие и он намеревается его использовать; затем они слышали, что он не будет его использовать, потому что считает, будто Соединенные Штаты могут применить в ответ ядерную бомбу. Кто-то нашептывал, что Республиканская гвардия Ирака выставит смертников прямо за границей; другие клялись, что их выставят близ Багдада. Третьи заявляли, что иракцы встанут

стеной у нефтяных месторождений. Короче говоря, никто ничего не знал, что только подстегивало воображение ста пятидесяти тысяч военных, собравшихся в Кувейте.

По большей части солдаты – это дети. Иногда люди об этом забывают. Восемнадцать, девятнадцать, двадцать – половина из военнослужащих еще не достигла возраста, когда они могли бы купить пиво. Они были уверены в себе, хорошо обучены и горели нетерпением перед предстоящей операцией, но нельзя было игнорировать действительность. Кому-то из них суждено было умереть. Некоторые говорили об этом открыто, другие писали письма семьям и передавали их армейскому священнику. Нервы сдавали. Одни испытывали трудности со сном, другие, наоборот, почти все время спали. Тибо наблюдал за всем этим со странным ощущением отчужденности. «Добро пожаловать на войну! – слышал он слова своего отца. – Это всегда ВКМГЗ: все классно, мы в глубокой заднице».

Тибо не мог оставаться равнодушным к тому, что напряжение все растет, и, как все, жаждал выпустить пар. Иначе было невозможно. Он начал играть в покер. Отец научил его играть, так что игра была ему знакома… или он думал, что знакома. Он быстро выяснил, что другие знают о ней гораздо больше. За первые три недели он успел потерять почти все деньги, которые скопил со времен поступления на службу: блефуя, когда надо было сбросить карты, и сбрасывая, когда нужно было оставаться в игре. Вообще это были небольшие деньги, и ему особенно негде было их тратить, даже если бы он выиграл. Но настроение у него испортилось на многие дни вперед. Он ненавидел проигрывать.

Успокоение даровали лишь долгие пробежки по утрам еще до восхода солнца. Обычно было очень прохладно; хотя на Ближнем Востоке Тибо находился уже месяц, он не переставал удивляться, какой холод может стоять в пустыне. Он упрямо бежал под усыпанным звездами небом, шумно выдыхая воздух.

К концу одной из таких пробежек, когда на отдалении уже замаячила его палатка, он замедлил бег. К тому моменту солнце уже показалось над горизонтом, заливая золотом весь унылый сухой пейзаж. Держа руки на бедрах и пытаясь отдышаться, он вдруг краем глаза заметил фотографию, тускло поблескивающую в грязи. Он остановился, чтобы поднять ее, и заметил, что она была хоть и дешево, зато аккуратно заламинирована, видимо, для защиты от непогоды. Он смахнул со снимка пыль, очистив изображение, и тогда в первый раз увидел ее.

Блондинка с улыбкой на лице и озорными глазами цвета нефрита в джинсах и футболке, украшенной спереди словами «Счастливая леди». За ней красовался плакат с надписью «Ярмарки Хэмптона». Немецкая овчарка с сероватой мордой стояла рядом с ней. В толпе позади женщины можно было различить двух мужчин в футболках с какими-то логотипами, они теснились у стойки с билетами. Поодаль виднелись три дерева, вечнозеленые, с острыми кронами, такие могли расти где угодно. На обратной стороне карточки было написано от руки «Будь осторожен! Э.».

Не то чтобы ему сразу бросилось в глаза что-то на фотографии. На самом деле его первым порывом было выбросить ее. Он чуть не сделал это, но как раз когда собрался, ему пришло в голову, что человек, потерявший снимок, возможно, хочет его вернуть. Для кого-то он явно много значил.

Вернувшись в лагерь, Тибо приколол снимок на доску объявлений у входа в компьютерный центр, рассчитывая, что любой обитатель лагеря рано или поздно пройдет мимо. Несомненно, кто-нибудь ее заберет.

Прошла неделя, затем десять дней. Хозяин фотографии так и не нашелся. К тому моменту взвод Тибо тренировался каждый день часами, и в покер играли уже серьезно. Некоторые проиграли тысячи долларов; поговаривали, что один младший капрал потерял около десяти тысяч. Тибо, не игравший со времен первой унизительной попытки, предпочитал проводить свободное время, размышляя о предстоящем вторжении и прикидывая, как он себя поведет, когда попадет под огонь противника. Прогулявшись к компьютерному центру за три дня до вторжения, он увидел, что фотография все еще висит на доске объявлений, и по какой-то непонятной ему самому причине взял ее и положил в карман.

Виктор, лучший друг Тибо в отряде – они были вместе еще со времен начальной подготовки, – все же уговорил его сыграть в покер тем вечером. Тибо, все еще не имевший денег, начал весьма сдержанно и думал, что не продержится в игре больше получаса. Он сбрасывал карты в первых трех играх, в четвертой собрал стрейт, а в шестой – фул-хаус. Карты именно так и выпадали – флаши, стрейты, фул-хаусы, – и к середине вечера он отыграл былые потери. Первые игроки к тому времени уже ушли, уступив место другим. А Тибо оставался. По очереди новые игроки сменялись другими. А Тибо оставался. Удача не покидала его, и к рассвету он выиграл больше, чем заработал за первые полгода службы в

морской пехоте.

Лишь когда закончил игру вместе с Виктором, он осознал, что в кармане у него все это время лежала фотография. Когда они вернулись в палатку, он показал снимок Виктору и обратил его внимание на надпись на футболке женщины. Виктор, родители которого были нелегальными иммигрантами и жили близ Бейкерсфилда в Калифорнии, не только отличался религиозностью, но и верил в самые разные знамения. Грозы с молниями, развилки на дорогах и черных котов он любил больше всего. А перед отъездом в Ирак он рассказал Тибо о своем дяде, у которого якобы был дурной глаз: «Когда он смотрит на тебя определенным образом, значит, ты непременно умрешь, это лишь вопрос времени». Виктор заставлял Тибо вновь чувствовать себя десятилетним мальчиком, когда ему приходилось с восхищением слушать истории друга, который сидел, положив подбородок на ручной фонарик. Тибо ничего не говорил. У каждого свои причуды. Парень хочет верить в предзнаменования? Ну и пусть. Гораздо важнее то, что Виктора завербовали снайпером и что Тибо мог доверить ему собственную жизнь.

Виктор внимательно рассмотрел снимок, прежде чем вернуть.

– Говоришь, нашел фотографию на рассвете?

– Да.

– Рассвет – это время дня, полное энергии.

– Так ты мне говорил.

– Это знак, – заявил Виктор. – Она твой счастливый талисман. Видишь ее футболку?

– Сегодня вечером она действительно принесла удачу.

– Так будет и дальше. Ты нашел эту фотографию по какой-то причине. Ее хозяин не объявился тоже по какой-то причине. Ты забрал ее сегодня сам по какой-то причине. Выходит, у тебя она и должна находиться.

Тибо хотел ответить что-то насчет парня, который ее потерял, и о том, как он теперь себя чувствует, но промолчал. Он просто лег на койку и сложил руки за головой.

Виктор сделал то же самое.

– Я рад за тебя. С этого дня удача будет неотступно следовать за тобой, – добавил он.

– Надеюсь.

– Но ты не должен потерять снимок.

– Не должен?

– Если потеряешь, то судьба отвернется от тебя.

– И что это значит?

– Это значит, что тебе больше не будет везти. А быть невезучим на войне – хуже всего.

Номер мотеля оказался таким же уродливым, как и все здание: обшитые деревом стены, светильники, прикрепленные к потолку цепями, грубый ковер, телевизор, привинченный к стойке. Создавалось впечатление, словно помещение отделали приблизительно в 1975-м и с тех пор не обновляли. Оно напоминало Тибо о тех местах, где заставлял их останавливаться отец во время отпускных семейных поездок по юго-западу много лет назад. Они ночевали в мотелях вблизи скоростных трасс, и если отцу казалось, будто там относительно чисто, он считал, что место им подойдет. Мама не вполне разделяла его мнение, но что она могла сделать? Вряд ли через дорогу можно было найти отель сети «Времена года», а даже если и так, они не смогли бы себе этого позволить.

Заезжая в номер мотеля, Тибо следовал тому же рутинному порядку, что и его отец: он поднимал одеяло, проверяя, чистые ли простыни, изучал занавеску в ванной на предмет плесени, высматривал волосы в раковине. Несмотря на пятна

ржавчины, текущий кран и прожженные дырки от сигарет, чего можно было ожидать, тут оказалось чище, чем он думал. И к тому же номер обошелся ему недорого. Тибо заплатил наличными за неделю вперед, без лишних вопросов и доплаты за собаку. В общем, выгода налицо. У Тибо не было кредитных карт, дебетовых карт, карты для использования в банкомате, официального почтового адреса, мобильного телефона. Почти все свое имущество он носил с собой. У него, однако, был счет в банке, с которого ему могли перевести деньги при необходимости. Он был зарегистрирован на корпорацию, а не на его имя. Он не был богат и не принадлежал даже к среднему классу. Корпорация не вела никакого бизнеса. Он просто оберегал свою частную жизнь.

Тибо отправил Зевса в ванную и помыл его шампунем, который достал из рюкзака. Затем он принял душ и надел последний чистый комплект одежды, который у него оставался. Сидя на кровати, он листал телефонную книжку, но не нашел кого хотел. Он оставил себе пометку постирать вещи, когда будет время, а потом решил перекусить в маленьком ресторанчике, который только что видел на улице.

Когда Тибо пришел туда, Зевса внутрь не пустили, что нисколько не удивляло. Зевс улегся у входа и уснул. Тибо съел чизбургер с картофелем фри, запил молочным шоколадным коктейлем, а потом заказал чизбургер для Зевса. Снаружи Тибо понаблюдал за тем, как Зевс заглотил еду меньше чем за двадцать секунд и вновь поднял глаза на него.

– Рад, что тебе удалось посмаковать каждый кусочек. Пойдем.

Тибо купил карту города в дежурном магазине и сел на скамейку у площади, в старомодном парке, окруженном деловыми улицами с четырех сторон. Хотя там росли большие тенистые деревья, имелась игровая площадка для детей и множество цветов, народу было немного: несколько матерей собрались группкой, а их дети съезжали с горки или рассекали воздух, катаясь на качелях. Он исследовал лица женщин, чтобы удостовериться, что ее среди них нет, а потом отвернулся и развернул карту, прежде чем они разнервничались из-за его присутствия. Матери с маленькими детьми всегда нервничают при виде одиноких мужчин, которые бесцельно околачиваются поблизости. Он их не винил: слишком много вокруг бродит всяких ненормальных.

Изучая карту, Тибо пытался сориентироваться и рассчитать следующий шаг. Он не тешил себя иллюзиями, что будет легко. В конце концов, он знал совсем

немного. Все, что у него было, – это фотография. Ни имени, ни адреса. Ни сведений о работе. Ни телефонного номера. Ни даты. Ничего, кроме лица в толпе.

Но были кое-какие подсказки. Он детально изучил снимок, как уже много раз до этого, и начал с того, что ему известно. Фотографию сняли в Хэмптоне. Женщине было чуть больше двадцати, когда ее сфотографировали. Она была красива. У нее либо жила немецкая овчарка, либо она знала хозяина такой собаки. Ее имя начиналось с буквы «Э». Эмма, Элейн, Элиз, Эйлин, Эллен, Эмили, Эрин, Эрика… Это самые вероятные варианты, хотя на Юге, как ему казалось, могли найтись такие имена, как Эрдин или Элспет. Она ходила на ярмарку с человеком, которого позже отправили в Ирак. Она дала ему фотографию, а Тибо нашел ее в феврале 2003-го, а это значило, что ее сняли до этого времени. Выходит, женщине скорее всего уже ближе к тридцати. На отдалении высились три вечнозеленых дерева. Все это он знал наверняка. Факты.

А потом пошли предположения, начинавшиеся с Хэмптона. Хэмптон – весьма распространенное название. Быстрый поиск в Интернете выдал множество мест. Округа и города в Южной Каролине, Виргинии, Нью-Гемпшире, Айове, Небраске, Джорджии. Плюс другие варианты. Масса других вариантов. И конечно, Хэмптон в округе Хэмптон, Северная Каролина.

Хотя на втором фоне не было заметно особых ориентиров, как, например, изображения усадьбы «Монтичелло», обозначающей Виргинию, или плаката «Добро пожаловать в Айову», кое-какую информацию найти удалось. Буквально собрать по крупицам, но не о женщине, а о молодых парнях, стоящих в очереди на заднем плане. На обоих были футболки с логотипами. Изображение Гомера Симпсона на одной футболке ничего не дало. А слово «Дэвидсон» на второй сначала показалось совершенно бессмысленным. На первых порах он предположил, что это сокращение от названия мотоцикла «харлей-дэвидсон». Но повторный поиск в «Гугле» все прояснил: название «Дэвидсон» имел престижный колледж близ Шарлотта в Северной Каролине. С избирательным подходом к выбору слушателей, сложными предметами, уклоном в гуманитарные науки. При просмотре каталога книжного магазина этого колледжа он нашел такую же футболку.

Тибо понимал, что наличие футболки не гарантирует, что снимок был сделан в Северной Каролине. Возможно, бывший студент колледжа подарил парню футболку, возможно, он приехал учиться из другого штата, возможно, ему

просто понравились цвета, возможно, он уже окончил колледж и переехал в другое место. Но поскольку зацепок больше не было, Тибо позвонил в Торговую палату Хэмптона перед отъездом из Колорадо и удостоверился, что они проводят окружную ярмарку каждое лето. Еще один хороший знак. У него наметился маршрут, хотя и не окончательный. Он просто предполагал, что это то самое место. И все же по причине, которую не мог объяснить, он чувствовал: место выбрано правильно.

У него были и другие предположения, но к ним он обратится позднее. Первым делом требовалось найти рыночную площадь. Тибо надеялся, что окружная ярмарка из года в год проводится на том же месте; он надеялся, что человек, который укажет ему верное направление, сможет ответить и на этот вопрос. Лучше всего поискать такого человека в одной из местных фирм. Но не в антикварной или сувенирной лавке – их владельцами часто становились люди, недавно приехавшие в город с севера в поисках более спокойной жизни и более теплой погоды. Он же подумал, что стоит попытать счастья где-то вроде магазина оборудования. Или в баре. Или в агентстве недвижимости. Он решил, что узнает подходящее место, как только оно попадется ему на глаза.

Тибо жаждал увидеть место, где сняли фотографию. Но не для того, чтобы лучше понять, кто эта женщина. Ярмарочная площадь в этом не поможет.

Он хотел узнать, стоят ли там бок о бок три дерева, высокие, вечнозеленые, с острыми кронами, какие могут расти где угодно.

Глава 3

Бет

Бет сидела, потягивая диетическую колу из баночки, и радовалась тому, что Бен отлично проводит время на дне рождении своего друга Зака. Она как раз подумала, что было бы здорово, если бы ему не пришлось ехать к отцу, когда вошла Мелоди и опустилась на стул рядом с ней.

– Хорошая мысль, а? Водяные пистолеты пользуются огромным успехом. – Мелоди улыбнулась. Ее отбеленные зубы были слишком белыми, а кожа – слишком темной, словно она только что вернулась из солярия. Возможно, так оно и было. Мелоди гордилась своей внешностью еще со старших классов, а теперь это и вовсе превратилось в одержимость.

– Будем надеяться, что они не обольют нас.

– Лучше им этого не делать, – нахмурилась Мелоди. – Я сказала Заку, что если он посмеет так поступить, я всех отправлю домой. – Она откинулась назад, устраиваясь поудобнее. – Чем ты занимаешься этим летом? Я нигде тебя не вижу, и ты мне не перезваниваешь.

– Прости. Этим летом я отшельничаю. Мне просто тяжело управляться с Наной, школой для собак и дрессировками. Не представляю, как Нане так долго удавалось с этим совладать.

– У Наны сейчас все в порядке?

Нана была бабушкой Бет. Она воспитывала Бет с трех лет после гибели ее родителей в автокатастрофе. Бет кивнула:

– Ей становится лучше, но инсульт сильно подорвал здоровье. Левые рука и нога еще плохо двигаются. Она может кое-что делать, но гонять собак и дрессировать их выше ее сил. А ты знаешь, какая она неугомонная. Я всегда беспокоилась, что она перенапрягается.

– Я заметила, она вернулась в хор на этой неделе.

Нана состояла в церковном хоре при Первой баптистской церкви уже более тридцати лет, и Бет знала, что это одно из ее страстных увлечений.

– На прошлой неделе Нана показалась там впервые после возвращения, и не думаю, что она много пела. А потом она спала целых два часа.

Мелоди кивнула.

– А что будет, когда начнется учеба в школе?

– Не знаю.

– Но ты ведь собираешься преподавать и дальше?

– Надеюсь.

– Надеешься? Разве на следующей неделе у вас не проводят собрание учителей?

Бет не желала думать об этом и уж тем более говорить, но она знала, что Мелоди не имеет в виду ничего плохого.

– Проводят, но я не уверена, что на него приду. Я знаю, что поставлю школу в затруднительное положение, но не могу оставить Нану одну надолго. Во всяком случае, пока. И кто поможет ей с собаками? Она никак не сумеет дрессировать их весь день.

– А ты не можешь нанять кого-нибудь? – предложила Мелоди.

– Пыталась. Я рассказывала тебе, что случилось в начале лета? Я наняла парня, который пришел два раза, а потом исчез, как только наступили выходные. То же самое со вторым парнем, которого я взяла. После этого никто больше не появлялся. Табличка «Требуется помощь» стала неизменным украшением окна.

– Дэвид всегда жалуется на нехватку хороших сотрудников.

– Скажи ему, чтобы снизил зарплату до минимума, вот тогда он пожалуется по-настоящему. Даже старшие школьники больше не хотят чистить клетки. Они говорят, это противно.

– Это противно.

Бет засмеялась.

– Да, уж это правда, – признала она. – Но я уже опоздала. Вряд ли что-то изменится до следующей недели, а если не изменится, все равно. Бывает и хуже. Мне в самом деле нравится дрессировать собак. В половине случаев с ними легче справляться, чем с учениками.

– Как с моей?

– С твоей было легко. Поверь мне.

Мелоди махнула рукой в сторону Бена:

– Он вырос, с тех пор как я видела его в последний раз.

– Почти на дюйм, – заметила Бет, подумав, как мило было со стороны Мелоди обратить на это внимание. Бен всегда отличался маленьким ростом для своих лет и на классной фотографии обычно занимал место слева в первом ряду; он был на полголовы ниже мальчика рядом с ним. Зак, сын Мелоди, сидел в противоположном углу – справа и сзади, он всегда был самым высоким в классе.

– До меня дошли слухи, что Бен не будет играть в футбол этой осенью, – призналась Мелоди.

– Он хочет попробовать что-нибудь другое.

– Что, например?

– Научиться играть на скрипке. Он собирается брать уроки у миссис Хастингс.

– Она все еще преподает? Ей, должно быть, уже девяносто.

– Зато у нее хватает терпения учить новичков. По крайней мере так она сказала мне. И Бену она очень нравится. А это главное.

– Тем лучше для него, – заявила Мелоди. – Держу пари, он будет прекрасно играть. Но Зак расстроится.

– Так ведь они были бы в разных командах. Зак собирается играть за сборную, верно?

– Если его возьмут.

– Возьмут.

Так и будет. Зак из тех детей, что уверены в себе от природы, любят соревноваться, рано взрослеют и легко могут обойти других, менее талантливых игроков на поле. Таких, как Бен. Даже сейчас, бегая по двору с водяным пистолетом, Бен не мог угнаться за ним. Хотя у мальчика были доброе сердце и хороший характер, спортивностью он не отличался, что беспрестанно раздражало бывшего мужа Бет. В прошлом году ее бывший дежурил во время матчей у кромки поля с весьма сердитым видом; это стало еще одной причиной, почему Бен отказался играть.

– Дэвид опять будет помогать ему тренироваться?

Дэвидом звали супруга Мелоди, он был одним из двух городских педиатров.

– Он еще не решил. С тех пор как ушел Хоскинс, его вызывают намного чаще. Его это раздражает, но что он может сделать? Руководство пыталось взять на работу еще одного доктора, но это непросто. Не все жаждут работать в маленьком городе, особенно когда ближайшая больница расположена в Уилмингтоне в сорока пяти минутах пути. Так что теперь он работает намного дольше. Почти каждый день приходит домой не раньше восьми. А иногда даже позже.

Бет уловила нотки волнения в голосе Мелоди и поняла, что подруга думает о романе на стороне – в своей измене Дэвид признался прошлой зимой. Бет знала достаточно, чтобы не развивать эту тему. Она решила, когда впервые услышала сплетни, что они будут говорить об этом, только если захочет Мелоди. А если нет? Ну и прекрасно. В конце концов, это не ее дело.

– А как ты сама? Встречаешься с кем-нибудь?

Бет скорчила гримасу:

– Нет. После Адама ни с кем.

– А с ним что случилось?

– Понятия не имею.

Мелоди покачала головой:

– Не могу сказать, что я тебе завидую. Я никогда не любила встречаться.

– Да, но у тебя это хотя бы хорошо получалось. А у меня ужасно.

– Ты преувеличиваешь.

– Нисколько. Но это и не особенно важно. Не уверена, что у меня есть на это силы. Надевать стринги, брить ноги, флиртовать, притворяться, что тебе нравятся его друзья. Все это требует жутких усилий.

Мелоди наморщила нос:

– Ты что, не бреешь ноги?

– Конечно, брею, – ответила Бет. Затем, понизив голос, она добавила: – По крайней мере периодически. – Она выпрямилась. – Но ты понимаешь, к чему я клоню. Ходить на свидания – это труд. Особенно для женщины моего возраста.

– Ой, не надо! Тебе даже нет тридцати, и ты сногсшибательно выглядишь.

Бет слышала эти слова достаточно часто, но все еще не привыкла к тому, что мужчины – даже женатые – часто вытягивали шеи, когда она проходила мимо. За первые три года преподавания она только один раз встречалась с отцом ученика. Во всех остальных случаях по вызову приходили матери. Она помнила, с каким удивлением рассказала об этом Нане пару лет назад, и Нана сказала: «Они не хотят оставлять тебя наедине со своими муженьками, потому что ты красива, как сладкая тыковка». Нана всегда своеобразно выражала свои мысли.

– Ты забываешь, где мы живем, – возразила Бет подруге. – Здесь не так много одиноких мужчин моего возраста. А если они и одиноки, то не просто так.

– Это неправда.

– Быть может, в большом городе все иначе. Но здесь? В этом захолустье? Поверь мне. Я прожила здесь всю жизнь, и даже когда училась в университете, ездила домой на пригородном поезде. В тех редких случаях, когда меня приглашали на свидания, мы встречались два или три раза, а потом мне больше не звонили. Не спрашивай почему. – Она махнула рукой: – Да это и не имеет значения. У меня есть Бен и Нана. Я же не живу одна в окружении дюжины кошек.

– Нет. У тебя есть собаки.

– Не мои собаки. Собаки других людей. А это большая разница.

– О да! – фыркнула Мелоди. – Большая разница.

Во дворе Бен тащился за остальными с водяным пистолетом в руках, изо всех сил пытаясь не отставать, но вдруг поскользнулся и упал. Его очки упали в траву. Бет уже научилась не вскакивать с места и бежать проверять, все ли в порядке. В последний раз, когда она попыталась помочь, сын явно смутился. Он шарил руками по траве, пока не нашел очки, вскочил и снова побежал.

– Они так быстро растут, да? – произнесла Мелоди, перебив мысли Бет. – Я знаю, все так говорят, но это правда. Я помню, как об этом мне говорила мама, а я думала, что она не представляет, о чем вообще ведет речь. Не могла дождаться, пока Зак станет чуть старше. Еще бы, тогда у него были колики и больше месяца я спала по ночам всего пару часов. А теперь наши дети уже переходят в средние классы.

– Пока нет. Остался еще целый год.

– Знаю, но все равно нервничаю.

– Почему?

– Знаешь… это трудный возраст. Дети подходят к тому этапу, когда начинают понимать мир взрослых, но сами еще не настолько зрелые, чтобы справиться со всем, что происходит вокруг. Прибавь к этому все соблазны и то, что они перестают слушаться тебя так, как раньше, и юношеские капризы, и я первая сознаюсь в том, что отнюдь не жду этого момента. Ты же учитель. Ты знаешь.

– Вот почему я преподаю во втором классе.

– Правильный выбор. – Мелоди притихла. – Ты слышала про Эллиота Спенсера?

– Ничего особенного не слышала. Я же теперь отшельник, ты забыла?

– Его поймали на продаже наркотиков.

– Он ведь всего на пару лет старше Бена!

– И даже не получил еще неполное среднее образование.

– Вот теперь и я занервничала.

Мелоди закатила глаза:

– Не стоит. Если бы мой сын был хоть немного похож на Бена, я бы не видела повода нервничать. Бен – славный мальчик. Он всегда вежливый, добрый, всегда первым бросается на помощь младшим. Он умеет сочувствовать. Но мой сын все же Зак.

– Зак тоже отличный малый.

– Я знаю, что так оно и есть. Но с ним всегда было сложнее, чем с Беном. И он больше склонен подражать другим, чем Бен.

– Ты видишь, как они играют? Мне кажется, это Бен всем подражает.

– Ты понимаешь, о чем я.

И она понимала. С самого раннего возраста Бена устраивало идти своим собственным путем. И это неплохо, признавала Бет, ведь он избрал хороший путь. И пусть друзей у него было мало, зато увлечений – много, и он всегда находил чем заняться в одиночестве. И увлечения тоже были хорошими. Он не особенно интересовался видеоиграми или Интернетом. И хотя иногда смотрел телевизор, обычно сам его выключал примерно через полчаса. Вместо этого он читал или играл в шахматы (эту игру он, казалось, понимал на уровне интуиции) на электронной доске, которую получил в подарок на Рождество. Он любил читать и писать, и хотя обожал собак, которые обучались в их школе, немного сторонился их – многие беспокойно себя вели из-за долгого сидения в клетках. А днем он часто играл, кидая теннисные мячики, которые почти никогда не находились.

– Все будет хорошо.

– Надеюсь. – Мелоди отставила в сторону стакан. – Думаю, пора принести торт, да? У Зака тренировка в пять.

– Отличная идея.

Мелоди встала:

– Уверена, он захочет взять с собой водяной пистолет и облить тренера с головы до ног.

– Тебе нужна помощь?

– Нет, спасибо. Посиди здесь и отдохни. Я скоро вернусь.

Бет посмотрела на уходящую Мелоди и впервые заметила, как сильно та похудела. Ей удалось сбросить десять, быть может, даже пятнадцать фунтов, с тех пор как Бет видела ее в последний раз. Неудивительно при таком-то стрессе. Измена Дэвида сломала ее, но в отличие от Бет, когда такое произошло с ней, Мелоди твердо решила сохранить брак. И потом, у них были абсолютно разные семьи. Дэвид совершил огромную ошибку и сделал больно Мелоди, но в целом они всегда казались Бет счастливой парой. А брак Бет, напротив, потерпел фиаско с самого начала, как и предсказывала Нана. Нана умела мгновенно оценивать людей и с особенным видом пожимала плечами, когда ей

кто-то не нравился. Когда Бет объявила, что беременна (и это вместо того, чтобы отправиться в университет), они с бывшим планировали пожениться, а Нана начала так часто пожимать плечами, что это напоминало нервный тик. Конечно, тогда Бет проигнорировала ее, подумав: «Она не дала ему шанса. На самом деле она просто его не знает. Все получится». Как бы не так. Нана всегда была вежлива, всегда радушна в его присутствии, но продолжала пожимать плечами. Брак продлился меньше девяти месяцев; Бену было пять недель. Нана с самого начала была права. Бет разошлась с мужем десять лет назад.

Мелоди исчезла в доме и появилась пару минут спустя, за ней вышел Дэвид. Он нес бумажные тарелки и вилки, явно поглощенный какими-то мыслями. Бет заметила у него седые волосы и глубокие морщины на лбу. Когда она видела его в последний раз, морщины не были столь заметны, и она догадывалась, что это результат стресса, который ему приходится переживать.

Иногда Бет задавалась вопросом, как сложилась бы ее жизнь, будь она замужем. Не за своим экс-супругом, разумеется. От этой мысли она содрогалась. Общения с ним каждые выходные было более чем достаточно, спасибо большое. Но если бы рядом оказался кто-то другой. Кто-то… получше. Ей казалось, это неплохая идея, по крайней мере в общем и целом. По прошествии десяти лет она привыкла к своей жизни, и хотя было бы здорово коротать с кем-то вечера после работы или время от времени наслаждаться массажем спины, ей все же нравилось проводить весь субботний день в пижаме, если ей того хотелось. И так она иногда и делала. И Бен тоже. Они называли такие дни «ленивыми». И это были самые лучшие дни на свете. Иногда они целый день бездельничали, только заказывали пиццу и смотрели кино. Божественно.

Кроме того, если даже отношения могут быть сложными, то брак еще сложнее. Ведь не только Мелоди и Дэвид боролись за счастье. Казалось, большинству пар приходилось бороться. Это было нечто само собой разумеющееся. Как всегда говорила Нана? «Посади двух разных людей с разными ожиданиями под одну крышу, и не всегда все пройдет так же славно, как креветки с гритс[5 - Гритс – традиционное блюдо южных штатов из грубо размолотой кукурузы, похожее на мамалыгу.], поданные на Пасху».

Именно. Хотя она точно и не знала, откуда Нана берет такие метафоры.

Взглянув на часы, Бет вспомнила, что как только праздник закончится, ей придется нестись домой, чтобы проверить Нану. Несомненно, она найдет ее в

бывшем питомнике, где теперь жили собаки, взятые на обучение, либо за столом, либо с собаками. Вот такая Нана упрямая. Разве имеет значение, что левая нога едва ее слушается? «Моя левая нога не так тверда, как раньше, но и не похожа на пчелиный воск». Или что она может упасть и что-нибудь себе повредить? «Я не коробка дорогого фарфора». Или что левой рукой она все равно почти ничего не может делать? «Пока я могу есть суп, мне она все равно не нужна».

Она уникальна, благослови ее Бог. И так было всегда.

– Эй, мам?

Увлекшись мыслями, она не заметила, как подошел Бен. Его веснушчатое лицо блестело от пота. С одежды капала вода, а на рубашке виднелись пятна от травы, которые – она знала наверняка – никогда не удастся отстирать.

– Да, малыш?

– Можно, я останусь у Зака на ночь?

– Я думала, у него тренировка.

– После тренировки. Тут куча народу остается, а его мама купила ему игру «Герой гитары» на день рождения.

Она знала, почему Бен на самом деле хочет остаться.

– Не сегодня. Тебе нельзя. Папа приедет, чтобы забрать тебя в пять.

– Ты можешь позвонить ему и спросить?

– Я попытаюсь. Но ты же знаешь…

Бен кивнул, и, как обычно, в такие моменты, ее сердце сжалось.

– Да, знаю.

Солнце сияло через ветровое стекло и нестерпимо жгло, и Бет пожалела, что не починила кондиционер. Из-за открытого окна волосы хлестали ее по лицу, так что становилось больно. Она снова напомнила себе о том, чтобы сделать стрижку покороче. Она вообразила, как говорит парикмахеру: «Отрежь это все, Терри. Сделай меня похожей на мужчину!» Но она знала, что попросит все сделать как всегда, когда подойдет время. Иногда она была трусихой.

– Казалось, вы, ребята, веселились от души.

– Так и было.

– И это все, что ты можешь сказать?

– Я просто устал, мам.

Она указала на кафе-мороженое «Дейри куин», замаячившее вдалеке:

– Хочешь заехать и поесть мороженого?

– Это для меня вредно.

– Эй, здесь я – мать. Так что эти слова должна произносить я. Просто подумала, если тебе жарко, то, возможно, ты захочешь мороженого.

– Я не голоден – только что поел торта.

– Ладно. Как знаешь. Только не обижайся на меня, если приедешь домой и поймешь, что следовало ухватиться за такую возможность.

– Не буду. – Он отвернулся и уставился в окно.

– Эй, парень, ты в порядке?

Когда Бен заговорил, его голос едва можно было услышать из-за порывов ветра.

– Почему я должен ехать к папе? Веселья там точно не будет. Он вечно заставляет меня ложиться в девять, как будто я до сих пор во втором классе или что-то вроде того. Я даже устать не успеваю. А завтра он меня заставит целый день что-то делать по дому.

– Я думала, он повезет тебя к дедушке на обед после церкви.

– Все равно не хочу ехать.

«И я не хочу, чтобы ты ехал», – подумала она. Но что она могла сделать?

– Почему бы тебе не взять с собой книгу? – предложила Бет. – Ты сможешь читать ее у себя в комнате вечером, а если заскучаешь завтра, то и у дедушки тоже.

– Ты всегда так говоришь.

«Потому что я не знаю, что еще тебе сказать», – подумала она.

– Хочешь заехать в книжный магазин?

– Нет, – ответил сын. Но она поняла, что на самом деле он не это имел в виду.

– Ладно. Как бы там ни было, пойдем со мной. Я хочу купить книжку себе.

– Хорошо.

– Мне жаль, что так вышло, ты знаешь.

– Да, я знаю.

Поход в книжный магазин не особенно повысил настроение Бена. Хотя в итоге он выбрал парочку детективов о братьях Харди, она видела, с каким обреченным видом он встал в очередь в кассу. По пути домой Бен открыл одну из книг и притворился, что читает. Бет была почти уверена, что он сделал это нарочно,

чтобы избавиться от ее бесчисленных вопросов и не изображать поддельную радость в преддверии ночи в доме отца. В десять лет мальчик уже удивительным образом научился предугадывать ее действия.

Ее страшно раздражало, что он не любит ездить к отцу. Она посмотрела, как он вошел в дом, зная, что он направляется в свою комнату собирать вещи. Вместо того чтобы последовать за ним, она села на ступеньках веранды и в тысячный раз пожалела о том, что не может принять волевое решение. Все еще стояла жара, и, судя по скулению, доносившемуся из питомника, собаки тоже тяжело ее переносили. Она прислушалась, надеясь уловить признаки присутствия Наны в доме. Если бы она была на кухне, когда вошел Бен, она точно услышала бы ее. Нана постоянно создавала шум. Не из-за инсульта, а потому что такова была от природы. В семьдесят шесть она вела себя как в семнадцать: громко смеялась, подбрасывала блины лопаткой, когда готовила, обожала бейсбол и включала радио на полную громкость, так что закладывало уши, когда по волне Эн-пи-ар включали что-нибудь из эры биг-бэнда[6 - Эра биг-бэнда – время биг-бэндов, больших оркестров, исполнявших главным образом джаз. Расцвет музыки биг-бэндов приходится на 1930-е гг.]. «Такая музыка не растет, как бананы, ты же знаешь». До самого инсульта она носила резиновые сапоги, комбинезоны и огромную соломенную шляпу почти каждый день, топая по двору и обучая собак идти рядом, или прибегать по зову, или оставаться на месте.

Много лет назад вместе с мужем Нана могла научить их почти всему. Вместе они разводили и дрессировали охотничьих собак, собак-поводырей для слепых, собак, умеющих искать наркотики, для полиции, и сторожевых собак для охраны дома. Теперь все было не так, она занималась подобной работой лишь изредка. Не потому, что не знала, что делать, – она все равно по большей части занималась дрессурой сама. Просто на дрессировку сторожевой собаки уходило четырнадцать месяцев, и Нана, которая за три секунды могла полюбить даже белку, очень переживала, едва приходило время отдавать собаку. А когда рядом не оказалось дедушки, который говорил: «Мы уже его продали, так что у нас нет выбора», – Нана поняла, что ей проще свернуть бизнес.

И Нана открыла популярную школу послушания для собак. Люди привозили собак на пару недель – в собачий лагерь для новобранцев, как говорила Нана, – и она учила их сидеть, лежать, оставаться на месте, приходить по зову хозяина и идти рядом. Это были простые, элементарные команды, которые быстро могла усвоить любая собака. Обычно от пятнадцати до двадцати пяти собак менялись каждые две недели, и каждой псине требовалось лишь двадцать минут занятий

в день. А если заниматься чуть дольше, собаки просто могут потерять интерес. Было не так тяжело, когда у них оставалось пятнадцать «учеников», но когда их становилось двадцать пять, на уход тратилась куча времени, особенно если учесть, что каждого нужно выгулять. А ведь еще нужно их всех покормить, вычистить клетки, звонить по телефону, общаться с клиентами и оформлять документы. Большую часть лета Бет работала по двенадцать или тринадцать часов в день.

Они всегда были заняты. Дрессировать собаку нетрудно, Бет время от времени помогала в этом Нане с двенадцати лет, к тому же по этому вопросу написано множество книг. Кроме того, в ветеринарной клинике проводились уроки для собак и их хозяев по утрам каждую субботу за небольшую плату. Бет знала, что большинство хозяев могли бы в течение пары недель посвящать дрессировке собаки по двадцать минут в день. Но они не хотели. Наоборот, люди приезжали из таких далеких штатов, как Флорида или Теннесси, чтобы подбросить собаку другому человеку, который выдрессировал бы ее за них. Естественно, Нана имела прекрасную репутацию в качестве тренера, но она всего лишь учила собак сидеть, приходить по зову, идти рядом и стоять на месте. Это дело нехитрое. И все же клиенты всегда были ей благодарны. И всегда, всегда удивлены.

Бет взглянула на часы. Кит – ее бывший – скоро приедет. И хотя у нее были претензии к этому человеку – и серьезные претензии, видит Бог, – их сын находился под совместной опекой, и она пыталась использовать эту ситуацию наилучшим образом. Она любила повторять себе, что для Бена важно проводить время с отцом. Мальчикам полезно общаться с отцами, особенно в подростковые годы, и она должна признать, что Кит не был плохим парнем. Незрелым – да, но не плохим. Он мог пропустить кружку-другую пива, но алкоголиком не был, наркотиков не употреблял, никогда не поднимал руку ни на нее, ни на ребенка. Он ходил в церковь каждое воскресенье. У него была стабильная работа, и он вовремя платил алименты. Или, скорее, это делала его семья. Деньги поступали из траста, одного из многих, которые его семья создала за долгие годы. И в основном он держал своих бесконечных подружек подальше в те выходные, когда приезжал сын. Ключевые слова здесь «в основном». В последнее время у него это получалось лучше, но Бет была абсолютно уверена: это в меньшей степени связано с усилением чувства отцовства, чем с затянувшейся сменой одной девушки на другую. Она бы и не возражала, только по возрасту его подружки, как правило, были ближе к Бену, чем к нему, и обычно имели ай-кью как у плошки с салатом. Она не злорадствовала, даже Бен это понимал. Пару месяцев назад Бену довелось помогать одной из них приготовить вторую

порцию спагетти «Крафт» с сыром, после того как она провалила первую попытку. Следовать указаниям вроде «добавьте молока, масла, перемешайте и дайте постоять» явно было для нее чересчур сложно.

Однако не это беспокоило Бена больше всего. Девушек можно было стерпеть – они относились к нему скорее как к младшему брату, а не как к сыну. Да и домашние обязанности не так его расстраивали. Он мог поработать граблями во дворе, или убрать на кухне, или вынести мусор, к тому же ее бывший не относился к Бену как к наемному работнику. Да и сами домашние обязанности шли Бену на пользу; когда он в выходные оставался с ней, она тоже давала ему кое-какие поручения. Нет, проблема была в том, что Кит неустанно выражал свое разочарование Беном. Кит хотел видеть перед собой атлета; вместо этого он получил сына, который жаждал научиться играть на скрипке. Он желал найти в Бене напарника для охоты, а получил сына, который лучше спокойно почитает. Он ждал сына, который будет ловить мячики в бейсболе или забрасывать мячи в баскетбольные корзины, а получил обузу в виде неловкого мальчика с плохим зрением.

Он никогда не говорил об этом Бену или ей, но этого и не требовалось. Все было ясно по тому, как он презрительно морщился, наблюдая за игрой Бена в футбол, как отказывался похвалить мальчика за победу в последнем шахматном турнире, как постоянно заставлял его быть кем-то, кем он не был. Это сводило Бена с ума и в то же время разбивало ей сердце. Много лет Бен пытался угодить отцу, но со временем бедное дитя просто выбилось из сил. «Научись ловить бейсбольный мяч. Ведь хуже не будет, верно? Возможно, Бену это даже понравится, и он захочет играть в Малой бейсбольной лиге[7 - Малая бейсбольная лига – организация, объединяющая детские бейсбольные команды.]». Когда ее бывший сделал такое предложение, показалось, будто это великолепное предложение, а Бен поначалу просто ликовал. Но потихоньку Бену стала ненавистна сама мысль об этом. Если ему удавалось поймать три мяча подряд, отец хотел, чтобы он поймал четвертый. А когда удавалось и это, нужно было ловить пятый. Когда он добился некоторых успехов, отец пожелал, чтобы он собирал все мячи. А потом, чтобы он ловил их, когда бежит вперед. И когда бежит назад. И когда скользит по земле. И когда приседает. И когда папа кидает мяч с такой силой, с какой только может. А если он уронит хоть один? Можно было подумать, что настанет конец света. Его отец был не из тех, кто говорит: «Отличная попытка, дружище!» или «Хорошо постарался!» Нет, он был из тех, кто вопит: «Давай! Хватит лажать!»

О, она говорила с ним об этом. Говорила до тошноты. В одно ухо вошло, в другое – вышло, конечно. Все та же старая история. Несмотря на свою незрелость или как раз из-за нее, Кит был упрям и самоуверен во многих вопросах, к которым относилось и воспитание Бена. Он хотел определенного сына и, видит Бог, собирался его получить. Бен, как и следовало ожидать, отреагировал на это пассивно-агрессивно, как умел только он. Он начал пропускать все мячи, которые кидал Кит, даже самые простые, игнорируя растущее отчаяние отца, до тех пор пока тот в конце концов не бросил перчатку на землю и ринулся в дом, где горевал весь оставшийся день. Бен притворился, что ничего не заметил, присел на скамейку под ладанной сосной и читал, пока она не приехала за ним через пару часов.

Она воевала с бывшим не только из-за Бена, они были как огонь и лед. Где он – огонь, а она – лед. Она все еще привлекала его физически, что безмерно ее раздражало. Она не понимала, с какой стати он до сих пор верит, будто она желает иметь с ним что-то общее. Что бы она ни говорила, казалось, это нисколько не мешает ему делать ей авансы. Она почти не помнила, что нашла в нем много лет назад. Бет могла перечислить причины для брака: она была молода и глупа и в придачу беременна. Но теперь, когда он разглядывал ее с ног до головы, у нее внутри все сжималось. Он совсем не в ее вкусе. И, откровенно говоря, никогда не был. Если бы всю ее жизнь снимали на видео, то брак стал бы одним из тех эпизодов, которые она бы с радостью перезаписала. Это касалось Бена, конечно.

Она пожалела, что с ней рядом нет ее младшего брата Дрейка, и, как всегда, ощутила боль, подумав о нем. Всякий раз, когда он приезжал, Бен ходил за ним, как собаки за Наной. Они вместе бродили, пытаясь поймать бабочек, или сидели в домике на дереве, который построил дедушка. Попасть в домик можно было лишь по расшатанному мосту, переброшенному через одну из двух речушек на их участке. В отличие от ее бывшего Дрейк принимал Бена таким, каков он есть, поэтому был ему ближе, чем родной отец когда-либо. Бен обожал его, а она обожала Дрейка за то, как незаметно ему удалось воспитать в ее сыне уверенность в себе. Она вспомнила, как поблагодарила его однажды, а он лишь пожал плечами. «Мне просто нравится проводить с ним время», – ответил он.

Она знала, что нужно проверить, как дела у Наны. Поднявшись с сиденья, она увидела свет в кабинете, но засомневалась, что Нана работает с бумагами. Скорее всего она в загоне за клетками, и Бет направилась туда. Хотелось верить, что Нана не додумалась повести свору собак на прогулку. Ей бы никак не

удалось сохранить равновесие и тем более удержать подопечных, если они потянут за поводки. Но из всех занятий это было ее самым любимым. Она придерживалась мнения, что большинство собак не получают достаточной физической нагрузки и что прогулки по участку прекрасно в этом помогут. Земля площадью почти в семьдесят акров могла похвастаться парой открытых полей, обрамленных девственным лесом, который пересекало полдюжины тропинок, и двумя речушками – притоками Саут-Ривер. Участок, купленный за смешные деньги пятьдесят лет назад, теперь оценивался в приличную сумму. Так сказал юрист, который пришел узнать у Наны, что она думает о возможной продаже земли.

Она точно знала, кто за этим стоит. Как и Нана, которая притворилась не вполне вменяемой во время разговора с юристом. Она таращилась на него расширенными и ничего не выражающими глазами, роняла на пол виноградинки одну за другой и невнятно бормотала. Потом они с Бет часами хохотали, вспоминая об этом.

Заглянув в окно кабинета у питомника, Бет не обнаружила признаков присутствия Наны, зато услышала ее голос, доносившийся из загона:

– Стоять… ко мне. Хорошая девочка! Правильно идешь!

Обогнув угол, Бет увидела, как Нана хвалит ши-тцу, трусившую по направлению к ней. Она напомнила ей одну из тех заводных игрушечных собачек, которые можно купить в «Уол-марте».

– Что ты делаешь, Нана? Тебя здесь быть не должно.

– О, привет, Бет! – Теперь она почти не глотала слова, не то что два месяца назад.

Бет уперла руки в бока.

– Тебе нельзя здесь находиться одной.

– Я взяла с собой мобильный. Решила, что позвоню, если возникнут проблемы.

– У тебя нет мобильного.

– У меня есть твой. Я стянула его из твоей сумки сегодня утром.

– Тогда кому бы ты позвонила?

Видимо, об этом она не подумала и теперь нахмурилась, когда бросила взгляд на собаку.

– Вот видишь, с чем мне приходится мириться, Прешас? Я же говорила тебе, что эта девчонка умнее экскаватора. – Она выдохнула, издав звук, похожий на уханье совы.

Бет знала, что последует смена темы разговора.

– Где Бен? – спросила Нана.

– В доме, готовится к отъезду. Он отправляется к отцу.

– Держу пари, он от этого не в восторге. Уверена, что он не прячется в домике на дереве?

– Расслабься, – сказала Бет. – Кит все еще его отец.

– Ты так думаешь.

– Я в этом уверена.

– Ты точно помнишь, что больше ни с кем тогда не встречалась? Не было случайного секса с официантом, водителем грузовика или с кем-нибудь из школы? – В ее голосе почти слышалась надежда. Казалось, она всегда надеялась, когда об этом говорила.

– Точно. И я уже миллион раз тебе об этом говорила.

Она подмигнула Бет:

– Да, но Нана всегда может надеяться, что твоя память вдруг просветлеет.

– Как долго ты уже здесь, кстати?

– А который час?

– Почти четыре.

– Тогда я здесь три часа.

– На такой жаре?

– Я не больна, Бет. Со мной просто произошел неприятный случай.

– Ты пережила инсульт.

– Но несерьезный.

– Ты рукой не можешь пошевелить.

– Пока я могу есть суп, мне она все равно не нужна. А теперь дай мне повидать внука. Я хочу попрощаться с ним, пока он не уехал.

Они направились к питомнику, Прешас побежала за ними, тяжело дыша, ее хвост развевался по ветру. Милая собачка.

– Я решила, сегодня тебе захочется китайской еды, – заявила Нана. – Тебе ведь хочется китайской еды?

– Я об этом не думала.

– Так подумай.

– Да, пожалуй, можно остановиться и на китайской кухне. Только я не хочу ничего тяжелого. И жареного тоже. Для этого слишком жарко.

– Какая ты занудная.

– Зато здоровая.

– Опять то же самое. Слушай, раз ты такая здоровая, может, запрешь Прешас? Ее клетка под номером двенадцать. Я услышала новую шутку, которой хочу поделиться с Беном.

– Где ты ее услышала?

– По радио.

– Она хоть приличная?

– Конечно, приличная! Ты за кого меня принимаешь?

– За того, кто ты есть, а я тебя прекрасно знаю. Поэтому и спрашиваю. Что за шутка?

– Два каннибала едят комедианта, один поворачивается к другому и говорит: «Как на твой вкус, забавно?»

Бет хихикнула:

– Ему это понравится.

– Отлично. Бедняге не помешает взбодриться.

– Он в порядке.

– Конечно, в порядке! Я не вчера родилась, знаешь ли.

Когда они дошли до питомника, Нана продолжила путь к дому, прихрамывая сильнее, чем утром. Ей становилось лучше, но пройдет еще много времени, прежде чем она окончательно поправится.

Глава 4

Тибо

Морская пехота зиждется на числе «три». Этому учили в первую очередь на курсе основной подготовки. Так многое было проще понять. Три морских пехотинца составляли огневую группу, три огневые группы – отделение, три отделения – взвод, три взвода – роту, три роты – батальон, три батальона – полк. Во всяком случае, на бумаге. К моменту вторжения в Ирак их полк объединился с элементами других формирований, включая легкий бронетанковый батальон разведки, стрелковый батальон 11-го полка морской пехоты, 2-й и 3-й штурмовые батальоны-амфибии, роту Б из 1-го боевого инженерного батальона и батальон тылового обеспечения 115. Масштабно. Такое войско готово ко всему. Собралось почти шесть тысяч человек.

Шагая под небом, уже изменившим цвет в преддверии заката, Тибо вспоминал о той ночи, которая, по сути, стала его первым сражением на вражеской территории. Его полк, а точнее, 1-й батальон 5-го полка, первым пересек границу Ирака, намереваясь захватить месторождение Румайла. Все помнили, как Саддам Хусейн приказал поджечь большинство нефтяных скважин в Кувейте при отступлении во время первой войны в Персидском заливе, и никто не хотел, чтобы это случилось снова. Короче говоря, 1-й батальон 5-го полка, помимо прочих, прибыл вовремя. Лишь семь скважин горели к тому моменту, когда им удалось занять территорию. Отделению Тибо было приказано отправиться на север от Багдада, чтобы помочь в захвате столицы. В 1-м батальоне 5-го полка было больше всего наград в корпусе за боевые заслуги, поэтому его выбрали для проведения сложнейшей атаки на вражеской территории за всю историю корпуса. Его первый срок службы в Ираке продлился немногим более четырех месяцев.

Через пять лет подробности этой первой службы он помнил туманно. Он выполнил свою задачу и в конце концов получил приказ отправляться обратно в Пендлтон. Он не говорил об этом. Он пытался не думать об этом. За исключением одного момента: Рики Мартинез и Билл Кинкейд, входившие в одну огневую группу с Тибо, стали участниками истории, которую он никогда не забудет.

Возьмите трех человек, заставьте их что-то делать вместе, и у них, несомненно, возникнут разногласия. Неудивительно. Они и на первый взгляд казались разными. Рики вырос в маленькой квартирке в Мидленде, что в Техасе, и раньше был бейсбольным игроком и фанатом тяжелой атлетики, а еще играл в младшем составе «Миннесота твинз», до того как добровольно отправился на военную службу. Билл, игравший на трубе в марширующем оркестре средней школы, был родом с севера штата Нью-Йорк и вырос на молочной ферме вместе с пятью сестрами. Рики нравились блондинки, а Биллу – брюнетки; Рики жевал табак, а Билл курил; Рики любил рэп, а Билл предпочитал кантри-вестерн. Как будто это имело значение. Они тренировались вместе, ели вместе, спали вместе. Они обсуждали спорт и политику. Они болтали ни о чем, как братья, и разыгрывали друг друга. Иногда Билл, проснувшись, обнаруживал, что у него сбрита одна бровь. На следующий день Рики просыпался без обеих бровей. Тибо научился просыпаться при малейшем шорохе и каким-то чудом сохранил свои брови. Они много месяцев над этим смеялись. Напившись как-то вечером, сделали похожие татуировки и объявили о своей верности корпусу.

Проведя столько времени вместе, они достигли того этапа, когда могли предсказать действия друг друга. Оба они по очереди спасали Тибо жизнь или по крайней мере уберегали его от серьезных ранений. Билл дернул Тибо сзади за бронежилет, как раз когда он собирался выйти на открытое пространство, через секунду снайпер ранил двух человек рядом. Во второй раз, отвлекшись, Тибо чуть не попал под колеса несущегося на огромной скорости «хаммера» под управлением собрата по оружию; тогда Рики схватил его за руку, чтобы остановить. Даже на войне люди погибают в автомобильных катастрофах. Достаточно вспомнить генерала Паттона.

Заняв месторождения, они прибыли в пригороды Багдада вместе с остальными. Город еще не сдался. Они тоже входили в конвой, трое мужчин среди сотен, все плотнее и плотнее окружавших город. Если не считать рева моторов союзных машин, все было тихо, когда они заняли отдаленную окраину города. Когда с усыпанной гравием дороги, что ответвлялась от главной, донесся гром артиллерийских снарядов, отделению Тибо было дано задание проверить, что там происходит.

Они осмотрели место действия. Двух– и трехэтажные здания, слепленные вместе по обе стороны дороги, на которую смотрят амбразуры. Одинокая собака, поедающая мусор. Дымящийся остов автомобиля в сотне метров от них. Они подождали. Ничего не увидели. Подождали еще. Ничего не услышали. Наконец

Тибо, Рики и Билл получили приказ перейти улицу, они так и поступили, быстро перебежав ее и укрывшись в безопасном месте. Оттуда отделение отправилось прямиком в неизвестность.

Когда в тот день опять послышалась стрельба, это был уже не единичный выстрел. Это был смертельный грохот дюжин, а затем и сотен пуль, выпущенных из автоматического оружия, так что их силы попали в ловушку под огнем артиллерии. Тибо, Рики и Билл, как и другие ребята из отделения на другой стороне улицы, обнаружили, что пойманы у входов в здания и спрятаться им некуда.

Перестрелка продолжалась недолго, как потом скажут. Но и этого хватило. Шквал пуль вылетал из окон над ними. Тибо и бойцы его отделения инстинктивно поднимали оружие и стреляли, потом снова стреляли. На другой стороне улицы ранили двух человек, но подкрепление не заставило себя ждать. На поле боя выкатился танк, за ним спешила пехота. Воздух задрожал, когда сверкнула пушка и верхние этажи здания рухнули, а пыль и стекло взметнулись ввысь. Тибо повсюду слышал крики и видел, как мирные жители выбегают из домов на улицы. Пальба продолжалась; бездомную собаку подстрелили, так что она перекувыркнулась. Мирные жители падали один за другим, когда им попадали в спину, истекали кровью и кричали. Еще одного морского пехотинца ранили в ногу. Тибо, Рики и Билл все еще не могли сдвинуться с места, окруженные огнем, неустанно пожиравшим стены рядом с ними. И все же все трое продолжали стрелять. Воздух вибрировал от грохота, и верхние этажи еще одного здания обвалились. Танк, двигавшийся вперед, приближался. Вдруг выстрелы врага посыпались из двух точек, а не из одной. Билл посмотрел на Тибо, а тот – на Рики. Они знали, что делать. Настало время уходить; иначе они погибнут. Тибо выпрямился первым.

В ту же секунду перед его глазами все побелело, а потом почернело.

Больше чем через пять лет после произошедшего, уже в Хэмптоне, Тибо не мог вспомнить подробностей, кроме того, что ему показалось, будто его кинули в стиральную машину. Он кувырком перелетел через улицу из-за взрыва, а в ушах у него звенело. Его друг Виктор мгновенно подоспел на помощь вместе с военно-морским санитаром. Танк продолжал палить, и постепенно улицу удалось взять под контроль.

Он узнал все это после случившегося, так же как и узнал, что взрыв возник из-за РПГ – реактивной противотанковой гранаты. Позже офицер скажет Тибо, что, вероятнее всего, она предназначалась для танка, но пролетела всего в нескольких дюймах от его башни. И словно так распорядилась сама судьба, направилась прямо к Тибо, Рики и Биллу.

Тибо положили в «хаммер» и эвакуировали с поля боя без сознания. Его раны, как ни удивительно, оказались несерьезными, и через три дня он вернулся в отделение. А Рики и Билл – нет, обоих вскоре похоронили со всеми военными почестями. Рики от двадцать второго дня рождения отделяла неделя. Биллу было двадцать лет. Они стали не первыми и не последними жертвами войны. Война продолжалась.

Тибо заставлял себя не думать о них слишком часто. Это кажется бессердечным, но на войне мозг просто не воспринимает подобные трагедии. Было тягостно думать об их смерти, размышлять о том, почему их нет, поэтому он избегал этого. Как и остальные в отделении. Вместо этого он сосредоточился на том, что остался в живых. Он сосредоточился на том, чтобы обезопасить других.

Сегодня воспоминания вдруг вновь нахлынули на него, и он ощутил горькую боль утраты, но не стал гнать эти мысли прочь. Друзья были рядом, когда он шел по тихим улочкам, направляясь к окраине на другой стороне города. Следуя указаниям, которые получил у портье мотеля, он направлялся на восток по маршруту 54, шагая в основном по зеленой полосе вдоль дороги, не приближаясь к ней. За время своих путешествий он научился не доверять водителям. Зевс тащился позади, тяжело дыша. Тибо остановился и дал Зевсу немного воды – последнее, что оставалось в бутылке.

Предприятия располагались по обе стороны дороги. Магазин матрасов, кузовной ремонт, детский сад, заведение быстрого обслуживания, продававшее бензин и еду в пластиковых упаковках, и два ветхих фермерских домика, которые казались здесь совершенно чуждыми, как будто современный мир вырос вокруг них. А именно так и произошло, как он полагал. Он задумался, сколько еще протянут владельцы или почему всем хочется жить в доме, который выходит на шоссе и со всех сторон окружен фирмами и малыми предприятиями.

Машины с ревом сновали в обоих направлениях. Небо затянули облака, серые и пушистые. Запахло дождем, прежде чем на него упала первая капля, и не успел он сделать и пары шагов, как начался ливень. Он длился пятнадцать минут и

промочил его насквозь, но тяжелые облака продолжали плыть к побережью до тех пор, пока в воздухе не осталась лишь легкая дымка. Зевс стряхнул с себя воду. Вновь послышалось пение птиц, а от влажной земли поднялся туман.

Наконец он добрался до ярмарочной площади. Она была пуста. Ничего особенного, подумал Тибо, изучая план местности. Только самое основное. Парковка на земле, усыпанной гравием, слева; пара древних сараев поодаль справа; между ними широкое, заросшее травой поле для проведения ярмарочных развлечений, окруженное цепью.

Ему не понадобилось перепрыгивать через забор, как и смотреть на фотографию. Он видел ее тысячу раз. Он прошел вперед, чтобы сориентироваться, и в итоге заметил билетную кассу. За ней располагалась арка, на которой вполне могли закрепить плакат. Подойдя к арке, он повернулся лицом к горизонту в направлении севера, пытаясь захватить взглядом кассу и арку так, как они вышли на фото. Вот с какого угла сделана фотография, на этом месте ее и сняли.

Структура морской пехоты зиждется на числе «три». Три морских пехотинца составляли огневую группу, три огневые группы – отделение, три отделения – взвод… Он отслужил три срока в Ираке. Посмотрев на часы, он обратил внимание, что пробыл в Хэмптоне три часа, и прямо перед собой точно в том месте, где и предполагал, увидел три вечнозеленых дерева, растущих бок о бок.

Тибо вернулся к шоссе, теперь он знал, что приблизился к своей цели. Пока он еще не там, где надо, но скоро будет.

Она здесь. Теперь он это знал.

Теперь ему нужно имя. Путешествуя по стране, он много думал и решил, что есть три варианта действий. Во-первых, можно попытаться найти местную ассоциацию ветеранов и спросить, служил ли кто-нибудь в Ираке. Это приведет его к человеку, который узнает ее. Во-вторых, можно отправиться в местную среднюю школу и посмотреть, нет ли там копий выпускных альбомов десяти– или пятнадцатилетней давности. Он просмотрел бы все фотографии одну за другой. В-третьих, он мог опросить местных жителей, показав им фотографию.

У всех способов были свои недостатки, и ни один не давал стопроцентной гарантии. Что касается ассоциации ветеранов, Тибо не нашел подобной организации в телефонной книге. Минус один способ. Поскольку еще продолжались летние каникулы, он сомневался, что школа открыта, а даже если и так, будет трудно получить доступ к альбомам, хранящимся в библиотеке. Минус второй, во всяком случае, пока. А это означало, что лучше всего опросить людей на тот случай, если они смогут ее узнать.

Только кого опрашивать?

В справочнике он прочитал, что в городке Хэмптон, штат Северная Каролина, живут девять тысяч человек. Еще тринадцать тысяч живут в округе Хэмптон. Слишком много. Стратегически верным решением было бы сузить круг возможных кандидатов. И он опять же начал с того, что знал.

На момент съемки девушке на вид было чуть больше двадцати, то есть сейчас ей уже хорошо за двадцать. А может, даже чуть больше тридцати. Она явно была привлекательна. Далее, если считать, что в таком небольшом городе жители равномерно делятся на возрастные группы, это значит, что там живут примерно 2750 детей в возрасте от рождения до десяти лет, 2750 – в возрасте от одиннадцати до двадцати лет и 5500 человек старше двадцати – тридцати лет, то есть той категории, куда входит она. Примерно. Из них, как он предположил, пятьдесят процентов были мужчинами, а пятьдесят – женщинами. Женщины отнесутся к его затее с большим подозрением, особенно если они ее знают. Ведь он им незнаком. А незнакомцы опасны. Тибо сомневался, что они много захотят рассказать.

А вот мужчины могут и поделиться с ним, если он правильно поставит вопрос. По опыту он знал, что почти все мужчины обращают внимание на привлекательных женщин своего возраста, особенно если эти мужчины одиноки. А сколько мужчин в ее возрастной группе одиноки? Тибо допустил, что около тридцати процентов. Может, он прав, а может, и нет, но с этого определенно стоит начать. Значит, их 900 человек или около того. Из них, как он решил, восемьдесят процентов жили здесь на тот момент. Это была всего лишь догадка, но Хэмптон больше походил на город, из которого стремились уехать, а не наоборот.

Это позволило сократить число до 720. Он мог бы уменьшить его вдвое, если бы сосредоточился исключительно на одиноких мужчинах от двадцати пяти до тридцати пяти, вместо тех, которым от двадцати до сорока. Это сокращало их

количество до 360. Тибо полагал, что многие из этих мужчин либо знали ее, либо знали о ней пять лет назад. Возможно, они учились вместе в средней школе или нет – он знал, что такая в городе всего одна, – но мужчины должны ее знать, если она одинока. Конечно, есть вероятность, что она не одинока. Женщины в южных городках, наверное, рано выходят замуж. Он приступит к делу исходя из этих предположений. Слова на обороте фотографии «Будь осторожен! Э.» не казались ему настолько романтичными, чтобы адресовать их своему парню или жениху. Не «Люблю тебя» или «Я буду скучать». И к тому же просто начальная буква имени. Как от подруги.

Круг опрашиваемых сузился с 22 000 до 360 меньше чем за десять минут. Неплохо. Это определенно хорошее начало. Если предположить, конечно, что она жила здесь, когда сделали фотографию. Если предположить, что она не приехала тогда к кому-то в гости.

Тибо понимал, что этой возможностью не следует пренебрегать. Но ему нужно было с чего-то начать. А он знал, что она когда-то была здесь. Так или иначе, он раскопает правду и будет действовать дальше исходя из ситуации.

Где проводят время одинокие мужчины? Одинокие мужчины, которых можно разговорить? «Я встретил ее пару лет назад, и она просила позвонить ей, если я снова приеду в город. Но я потерял бумажку с ее именем и номером».

Бары. Бильярдные клубы.

Он сомневался, что в столь маленьком городке больше трех или четырех мест, где любят отдыхать местные жители. Бары и бильярдные клубы имели преимущество в виде разрешения на продажу алкоголя, а сегодня вечер субботы. Там будет куча народу. Он решил, что получит ответ, так или иначе, в течение следующих двенадцати часов.

Тибо бросил взгляд на Зевса:

– Похоже, тебе придется побыть сегодня ночью одному. Я мог бы взять тебя с собой, но тогда пришлось бы оставить тебя на улице, а я не знаю, как долго меня не будет.

Зевс шел дальше, опустив голову и высунув язык. Усталый и разгоряченный. Зевсу было все равно.

– Я включу кондиционер, ладно?

Глава 5

Клейтон

Девять часов вечера, и к тому же суббота, а он застрял дома, присматривая за ребенком. Прекрасно. Просто прекрасно.

Хотя как еще мог закончиться день вроде сегодняшнего? Сначала одна из девушек чуть не поймала его за съемкой, потом исчез фотоаппарат, принадлежащий управлению, а затем Логан Тай-болт спустил ему шины. Хуже того, ему пришлось объяснять потерю фотоаппарата и происшествие с шинами отцу, господину окружному шерифу. Как и следовало ожидать, его отец пришел в неописуемую ярость и почему-то не купился на историю, которую он сочинил. Наоборот, отец засыпал его вопросами. Под конец ему захотелось прибить старика. Может, отец и большая шишка для многих в округе, но с ним он не имеет права разговаривать как с идиотом. Но Клейтон продолжал повторять свою историю: ему показалось, что он увидел подозрительного типа, он отправился за ним и каким-то образом налетел на пару гвоздей. А фотоаппарат? И не спрашивайте. Он понятия не имел, был ли фотоаппарат вообще в патрульной машине, если уж на то пошло. Не блестяще, конечно, но сойдет.

– Больше похоже на дырки от складного ножа, – заметил отец, склонившись, чтобы рассмотреть шины.

– Я же сказал, что это были гвозди.

– Здесь поблизости нет стройки.

– Я тоже не знаю, как это случилось! Просто говорю, как все было.

– И где были гвозди?

– Откуда, черт возьми, мне знать? Я напоролся на них в лесу.

Старик все еще не верил, но Клейтон повторял одно и то же. Всегда придерживайся выдуманной истории. Вот когда берешь свои слова назад, тогда и начинаются проблемы. Это азы поведения на допросе.

В конце концов старик ушел, Клейтон поставил запасные колеса и поехал в гараж, где ему залатали обычные шины. К тому времени прошло уже пара часов, и он опоздал на встречу с мистером Логаном Тай-болтом. Никому, никому не следует связываться с Китом Клейтоном, а особенно какому-то хипповатому бродяге, который решил, что сможет обвести его вокруг пальца.

Остаток дня Клейтон провел, разъезжая по улицам Ардена и опрашивая людей, которые могли его видеть. Такого парня невозможно не заметить, хотя бы потому, что он путешествует в компании вроде Куджо. Клейтон ничего не раскопал, что разозлило его еще больше, так как он понял: Тай-болт врал ему прямо в лицо, и он, Клейтон, его не раскусил.

Но он найдет этого парня. Несомненно, найдет, хотя бы ради фотоаппарата. А точнее, ради фотографий. Особенно ради других фотографий. Меньше всего он хотел, чтобы Тай-болт заявился в управление шерифа и выложил эту прелесть на стол или, того хуже, отправился прямо в редакцию местной газеты. Из двух зол управление было бы меньшим, поскольку его возглавляет отец. Даже если бы отец вышел из себя и заставил его заниматься каким-нибудь дерьмом пару недель, он не рассказал бы об этом. Его отец особенно ни на что не годился, но для этого сошел бы.

Но газета… это совсем другая история. Конечно, дед использовал бы связи и приложил усилия, чтобы все помалкивали, но подобные сведения сложно сохранить в тайне. Они слишком пикантны и разнесутся, как лесной пожар, по всему городу, даже и без газетной статьи. Клейтона и так в семье считали белой вороной, и меньше всего он хотел, чтобы на него обрушился гнев деда. А дед очень долго помнил плохое. Даже сейчас, через много лет, дед возмущался тем фактом, что Кит с Бет развелись, хотя это его не касалось. А на всех семейных сборищах он, как правило, не упускал возможности заметить, что Клейтон не учился в университете. Со своими оценками Клейтон мог бы легко это сделать,

он просто не мог представить, что придется еще четыре года сидеть за партой, и пришел на работу к отцу в управление. Этого было достаточно, чтобы успокоить деда. Казалось, он полжизни провел, успокаивая деда.

Но здесь у него не было выбора. Хотя он не особенно любил деда – тот был ярым баптистом-южанином, ходил в церковь каждое воскресенье и считал, что алкоголь и танцы греховны, что всегда казалось Клейтону глупостью. Он знал, чего от него ожидает дед, и можно было сразу сказать, что съемку обнаженных студенток явно не одобрит. Как и некоторые другие фото на карте памяти, в особенности те, где Кит был запечатлен с парочкой дам в весьма компрометирующих позах. Подобное поведение, несомненно, привело бы к серьезному разочарованию, а дед не терпел тех, кто его разочаровывал, даже если это были члены семьи. Особенно если это были члены семьи.

Клейтоны жили в округе Хэмптон с 1753 года; в некотором смысле они и были округом Хэмптон. Среди членов семьи были судьи, юристы, доктора и землевладельцы; даже мэр женился на их родственнице, но все знали, что именно дед всегда сидел во главе стола. Дед правил этим местом, как старый мафиозный дон, и многие жители города восхваляли его и беспрестанно говорили, какими исключительными качествами он обладает. Деду нравилось верить, будто так происходит, потому что он поддерживал все – от библиотеки до театра и местной начальной школы. Но Клейтон знал: истинная причина кроется в том, что деду принадлежит почти весь бизнес в центре города, включая лесной склад, обе пристани для яхт, три автомобильных дилерских центра, три склада, единственный комплекс апартаментов в городе и большие участки сельскохозяйственной земли. И все это способствовало процветанию необычайно богатой и могущественной семьи. А поскольку Клейтон получал большую часть денег из семейных трастов, ему меньше всего хотелось, чтобы какой-то незнакомец создал ему проблемы.

Слава Богу, за короткое время брака с Бет родился Бен. У деда был пунктик насчет потомков, а так как Бена назвали в честь деда – весьма удачная мысль, как любил мысленно повторять Кит, – дед его обожал. По большей части Клейтону казалось, что дед любит Бена, своего правнука, гораздо больше, чем внука.

О, Клейтон знал, что Бен – отличный малый. Не только дед так думал, это говорили все. И он правда любил ребенка, хотя иногда парнишка и досаждал ему. Сидя на перилах на веранде, он заглянул в окно и увидел, что Бен закончил

дела на кухне и вернулся на диван. Он знал, что должен присоединиться к сыну, но пока был не готов. Он не хотел сорваться и сказать что-нибудь, о чем потом пожалеет. Он работал над тем, чтобы отучиться от подобных выпадов; пару месяцев назад дед провел с ним разговор о важности спокойного поведения. Псих. Лучше бы поговорил с Беном, чтобы тот слушал отца, когда тот просит его что-то сделать, подумал Клейтон. Было бы намного полезнее. Парень уже взбесил его один раз сегодня, но он вспомнил деда и поджал губы, а потом прокрался к выходу.

Похоже, он часто злился на Бена в последнее время. Но это не его вина: он честно пытался поладить с ребенком! И сначала все шло хорошо. Они говорили о школе, ели бургеры, смотрели «Спортцентр» по И-эс-пи-эн. Все было прекрасно. А потом – о ужас! – он попросил Бена прибраться на кухне. Как будто это невыполнимая просьба, да? Клейтон не успел сделать это за последнюю пару дней, и он знал, что ребенок отлично с этим справится. В общем, Бен пообещал, что уберет, но вместо этого просто засел на кухне. Сидел и сидел. А часы тикали. Потом он еще немного посидел. В итоге Клейтон обратился к сыну еще раз, он был уверен, что сделал это вежливо. И (хотя, возможно, ему это показалось) Бен закатил глаза, когда с усталым видом принялся за дело. Это стало последней каплей. Он терпеть не мог, когда Бен закатывает глаза, и Бен это знал. Словно ребенок точно понимал, какие кнопки нажимать, и все свободное время тратил на то, чтобы разыскать новые кнопки, которые опробует на следующей встрече. Вот так Клейтон и оказался на веранде.

А все это – дело рук его мамочки, в этом Клейтон не сомневался. Она была чертовски красивая женщина, но понятия не имела, как воспитать из мальчика мужчину. Он ничего не имел против того, чтобы ребенок получал хорошие оценки. Но почему вместо игры в футбол он в этом году решил взяться за скрипку? Что это еще за дерьмо? Скрипка? Могла бы с таким же успехом нарядить мальчика в розовое и научить его ездить в дамском седле. Клейтон из кожи вон лез, чтобы пресечь эти бабские штучки, но факт оставался фактом: сын проводил у него только по полтора дня, и то через выходные. Это не его вина, что мальчик машет битой, как девчонка. Ведь ребенок слишком занят игрой в шахматы. И чтобы всем было ясно: ни за что на свете никто не увидит, как Кит скучает на скрипичном концерте.

Скрипичный концерт. Милостивый Боже! Куда катится этот мир?

Он снова подумал о Тай-болте. Ему хотелось верить, что парень уже покинул округ, но он знал: это не так. Парень путешествовал пешком и никак не смог бы добраться до дальней границы округа до наступления ночи. Что-то еще? Нечто угнетало его почти весь день, и, лишь выйдя остудить пыл на веранду, он понял, что именно. Если Тай-болт не солгал насчет Колорадо (надо сказать, что он мог, но предположим, что нет), это значило, что он идет с запада на восток. А какой следующий город по пути на восток? Уж точно не Арден. Это наверняка. Арден располагается к юго-западу от той точки, где они встретились. А вот если парень отправится на восток, то попадет прямиком в добрый старый Хэмптон. Прямо туда, в его родной город. А это, конечно, означало, что парень может находиться в пятнадцати минутах езды от того места, где он сидит сейчас.

Но где Клейтон? Ищет этого парня? Нет, сидит с ребенком.

Он снова украдкой посмотрел на сына через окно. Он читал на диване, казалось, это единственное, что ему нравится. О да, за исключением игры на скрипке. Он покачал головой, недоумевая, передались ли ребенку хоть какие-то из его генов. Непохоже. Он маменькин сынок с головы до пят. Сынок Бет.

Бет…

Да, брак не сложился. Но между ними до сих пор что-то было. И всегда будет. Пусть она любит всех поучать и отличается самоуверенностью, он всегда будет следить за ней. Не только ради Бена, а потому, что она совершенно точно самая красивая женщина, с которой он когда-либо спал. Она была красива тогда и стала почему-то еще красивее сейчас. Даже красивее студенток, которых он сегодня видел. Странно. Как будто она достигла того возраста, который идеально ей подходил, и перестала стареть. Он знал, что это не продлится долго. Время возьмет свое. Но все же он не мог перестать думать о том, чтобы покувыркаться с ней в постели. В память о былом и чтобы помочь ему… расслабиться.

Он полагал, что мог бы позвонить Энжи. Или Кейт, если уж на то пошло. Одной было двадцать, и она работала в зоомагазине; другая была на год старше и убирала туалеты в гостинице «Стрэтфорд инн». Обе обладали прелестными маленькими фигурками и проявляли исключительную активность, когда дело доходило до небольшого… расслабления. Он знал, Бен не станет возражать, если он пригласит одну из них, но даже если и так, ему, наверное, стоит для начала поговорить с ними. Обе сильно злились на него, когда он видел каждую

из них в последний раз. Ему придется извиниться и пустить в ход обаяние. А он сильно сомневался, хочется ли ему слушать, как они жуют жвачку и болтают о том, что посмотрели по Эм-ти-ви или прочитали в «Нэшнл инкуайрер». Иногда они слишком сильно его напрягали.

В общем, от этой затеи придется отказаться. Поискать Тай-болта сегодня ночью не выйдет. Поискать Тай-болта завтра опять не удастся, потому что дед хочет, чтобы все собрались за обедом после церкви. Все равно Тай-болт идет пешком, да еще и с собакой и рюкзаком на спине, значит, у него вряд ли получится уехать автостопом. Далеко ли он окажется завтра днем? Миль через двадцать? Тридцать максимум? Точно не больше, то есть он до сих пор будет бродить по окрестностям. Он позвонит в пару других управлений в близлежащих округах и попросит их быть внимательнее. Не так много дорог ведут к границе округа. И он посчитал, что если пару часов потратит на телефонные звонки в местные фирмы, что располагаются вдоль этих дорог, кто-нибудь увидит парня. Когда это произойдет, он не заставит себя долго ждать. Тай-болту не следовало связываться с Китом Клейтоном.

Углубившись в свои мысли, Клейтон не услышал, как скрипнула входная дверь.

– Эй, пап?

– Да?

– Тебя спрашивают по телефону.

– Кто?

– Тони.

– Ну конечно.

Он встал, недоумевая, что нужно Тони. Тот еще неудачник. Тощий и прыщавый, он был одним из тех прилипал, которые крутятся вокруг полицейских, изо всех сил пытаясь притвориться одним из них. Наверное, он жаждет узнать, где был Клейтон и что он делал, ведь он ничего не должен упустить. Убожество.

Он допил пиво по пути к телефону и бросил банку в ведро, послушав, как она загремела. Он схватил телефонную трубку со стола:

– Да?

Вдалеке звучали расстроенные аккорды песни в стиле кантри-вестерн, которую проигрывал музыкальный автомат, и монотонный гул громких разговоров. Ему стало интересно, откуда звонит неудачник.

– Эй, я тут в бильярдной «Декерс пул холл», и здесь ходит один странный парень. Я думаю, тебе стоит о нем узнать.

Клейтон тут же оживился:

– С собакой? И рюкзаком? Такой немного неряшливого вида, как будто пару дней провел в лесу?

– Нет.

– Уверен?

– Да, уверен. Он играет в бильярд почти рядом. Но послушай. Я хотел сказать тебе, что у него есть фотография твоей бывшей жены.

Пойманный врасплох, Клейтон попытался изобразить равнодушие.

– И что? – спросил он.

– Я просто подумал, тебе будет интересно об этом узнать.

– Какого черта меня должно это беспокоить?

– Не знаю.

– Естественно, не знаешь. Болтун.

Он повесил трубку, решив, что у этого парня вместо мозгов – каша, и с удовольствием осмотрел кухню. Все блестело. Малыш постарался, как всегда. Он чуть не крикнул об этом с места, но, увидев Бена, опять обратил внимание, какого он маленького роста. Вероятно, по большей части это было обусловлено генетической предрасположенностью, но немаловажную роль играло здоровье. Это ведь общеизвестная истина. Хорошо питайся, занимайся спортом, отдыхай. Основы основ, то, чему все матери учат детей. Если не будешь заниматься спортом, мышцы ослабнут. А когда, думаете, человек растет? Ночью. Когда тело восстанавливается? Когда люди видят сны.

Он часто задавался вопросом, высыпается ли Бен у матери. Клейтон знал, что Бен хорошо ест: он прикончил бургер и картофель фри. Еще он знал, что ребенок активен, так что, возможно, он маленький из-за недостатка сна. А ведь ему не хочется вырасти коротышкой, правда? Конечно, нет. А вообще Клейтону нужно было немного побыть одному. Он жаждал пофантазировать, что сделает с Тай-болтом, когда увидит его в следующий раз.

Кит откашлялся.

– Эй, Бен, уже поздно, тебе не кажется?

Глава 6

Тибо

Возвращаясь из бильярдной, Тибо вспоминал свою вторую поездку в Ирак.

Все было так: Фаллуджа, весна 2004 года. 1-й и 5-й батальоны, помимо других подразделений, получили приказ остановить насилие, растущее, с тех пор как сдался Багдад год назад. Мирные жители знали, чего следует ожидать, и начали убегать из города, заполонив все дороги. Быть может, треть жителей эвакуировалась за один день. Была проведена воздушная атака, затем пришли морские пехотинцы. Они продвигались вперед от здания к зданию, от дома к дому, от комнаты к комнате в самых напряженных боях со времен вторжения. Через три дня они взяли под контроль четверть города, но число жертв среди

мирного населения продолжало расти, и пришлось договориться о перемирии. Было принято решение о прекращении операции, и большая часть военных покинула территорию, включая роту Тибо.

Но не всем его товарищам по роте удалось уйти.

На второй день операции в южном конце города, где располагались промышленные предприятия, Тибо и его взводу было поручено обследовать здание, где, по слухам, находился тайный склад с оружием. Однако конкретное здание им не указали; это могло быть любое из дюжин почти развалившихся строений, что стояли тесной группкой близ заброшенной автозаправочной станции, формируя четкий полукруг. Тибо и его взвод вошли туда и направились к зданиям, обогнув автозаправку. Половина военных отправилась направо, половина – налево. Сначала все было тихо, а потом началось. Автозаправочная станция вдруг взорвалась. Языки пламени метнулись ввысь, а взрывная волна сбила половину людей с ног, так что у них полопались барабанные перепонки. Тибо оглушило, его периферийное зрение отказало, и все перед глазами смешалось. Внезапно пули градом посыпались на них из окон и с крыш и даже из-за сгоревших останков автомобилей на улицах.

Тибо очнулся, лежа на земле подле Виктора. Двое других товарищей по взводу, Мэтт и Кевин – Бешеный Пес и Супермен соответственно, – были с ними, и тут пригодилось обучение на курсах основной подготовки. И помог дух товарищества. Несмотря на атаку, несмотря на страх, несмотря на почти неизбежную смерть, Виктор потянулся за винтовкой, встал на одно колено и нацелился на врага. Он стрелял и стрелял, оставаясь спокойным и сосредоточенным, не теряя самообладания. Бешеный Пес достал винтовку и сделал то же самое. Один за другим они встали; один за другим они разделились на огневые группы. Огонь. Прикрытие. Вперед. Только вот двигаться вперед они не могли. Для этого не было места. Упал первый пехотинец, затем второй. Потом третий и четвертый.

К тому времени, когда прибыло подкрепление, в живых почти никого не осталось. Бешеному Псу попали в бедренную артерию, несмотря на жгут, он истек кровью и умер за несколько минут. Кевину выстрелили в голову, и он скончался мгновенно. Еще десятерых ранили. Лишь нескольким удалось покинуть поле боя невредимыми: среди них были Тибо и Виктор.

В бильярдной один из молодых людей, с которым он пообщался, напомнил ему Бешеного Пса. Словно они братья: те же рост и вес, те же волосы, та же манера разговора. И в какой-то момент он задался вопросом, не могли ли они быть братьями, но потом сказал себе, что это просто невозможно.

Тибо знал, каковы его шансы, когда принялся за это дело. В маленьких городках к незнакомцам всегда относятся подозрительно, а к концу вечера Тибо заметил, как тощий парень с плохой кожей звонит по таксофону рядом с туалетом, нервно поглядывая при этом на него. Он и до звонка был как на иголках, и Тибо предположил, что он звонил либо женщине на фотографии, либо человеку, который близок к ней. Эти подозрения подтвердились, когда Тибо уходил. Как и следовало ожидать, парень последовал за ним к выходу, чтобы посмотреть, куда он пойдет. Поэтому Тибо зашагал в противоположном направлении, чтобы его запутать.

Заявившись в видавшую виды бильярдную, он миновал бар и направился прямо к столам. Он быстро нашел группу мужчин своего возраста, большинство из которых казались холостяками. Он спросил, можно ли к ним присоединиться, и вступил в игру с присущим этому делу ворчанием. Вел себя по-свойски, пару раз купил всем пива, проиграв в бильярд, и, разумеется, парни стали разговорчивее. Он небрежно поинтересовался жизнью города. Промахнулся в самых важных ударах. И поздравил других, когда они попали как надо.

В конце концов они принялись задавать ему вопросы. Откуда он? Что он здесь делает? Он уходил от ответа, бормоча что-то о девушке, а потом сменил тему разговора. Он лишь распалял их любопытство. Он купил еще пива и, когда его спросили снова, неохотно поделился историей: пару лет назад он ходил на ярмарку с другом и встретил девушку. Они поладили. Он повторял и повторял, как она была прекрасна и как попросила его заехать к ней, если он когда-нибудь будет в городе. Он бы и рад, только забыл ее имя, черт возьми.

– Ты не помнишь, как ее зовут? – спросили они.

– Нет, – ответил он. – У меня всегда была плохая память на имена. Мне в детстве попали в голову бейсбольным мячом, и с тех пор память меня подводит. – Он пожал плечами, зная, что они засмеются. Так и получилось. – Правда, у меня есть фотография, – добавил он так, словно это только что пришло ему в голову.

– У тебя с собой она есть?

– Да, думаю, да.

Он покопался в карманах и вытащил фото. Мужчины собрались вокруг. Через мгновение один из них покачал головой.

– Не повезло тебе, – сказал он. – Она недоступна.

– Она замужем?

– Нет, проще сказать, она ни с кем не встречается. Ее бывшему это не понравилось бы, и, поверь мне, тебе не стоит с ним связываться.

Тибо сглотнул.

– Кто она?

– Бет Грин, – ответили они. – Она работает учительницей в начальной школе Хэмптона и живет с бабушкой в доме у «Собачьих питомников “Саншайн”».

Бет Грин. Или, точнее, подумал Тибо, Элизабет Грин.

Именно во время разговора Тибо понял, что один из мужчин, которым он показывал фотографию, куда-то исчез.

– Наверное, тогда мне действительно не повезло, – сказал Тибо, забрав фотографию.

Он остался еще на полчаса, чтобы замести следы. Еще немного поболтал о том о сем. А сам наблюдал за тем, как незнакомец с плохой кожей звонит по телефону, а потом увидел разочарование на его лице. Как у ребенка, который попал в беду из-за того, что наябедничал. Отлично. И все же у Тибо возникло чувство, что он еще встретит этого человека. Он купил еще пива и проиграл пару раз, периодически поглядывая на дверь, чтобы узнать, не придет ли кто-нибудь. Но никто не пришел. Через какое-то время он поднял руки вверх и сказал, что у него кончились деньги. Он собирался отправиться в путь. Это стоило ему чуть

больше сотни долларов. Они заверили его, что он всегда может снова к ним присоединиться.

Тибо едва слышал их. Он мог думать лишь о том, что теперь у него было не только лицо, но и имя и что следующим шагом должна стать встреча с ней.

Глава 7

Бет

Воскресенье.

Предполагалось, что после похода в церковь этот день будет посвящен отдыху, когда она может восстановиться и подзарядиться энергией на всю следующую неделю. День, когда она по идее должна быть с семьей, тушить мясо на кухне и прогуливаться по берегу реки. Возможно, даже валяться с хорошей книгой на диване, потягивая вино, или отмокать в теплой пенной ванне.

Чего она не желала делать, так это тратить выходной на уборку собачьего дерьма с заросшего травой поля для дрессировки собак, или чистить клетки, или дрессировать двенадцать собак, одну за другой, или сидеть в душном кабинете в ожидании хозяев, которые придут забрать своих любимцев, в то время как те отдыхают в прохладном питомнике с кондиционером. И разумеется, она всем этим и занималась, с тех пор как пришла из церкви утром.

Двух собак уже забрали, а за четырьмя другими должны были приехать позже в течение дня. Нана оказалась настолько добра, что выложила на стол файлы, прежде чем удалиться в дом на просмотр игры. «Атланта брейвз» играли с «Метс», а Нана не только пылала к «Атланта брейвз» безудержной страстью, которая казалась Бет нелепой, но и обожала все сувениры с символикой команды. Что, конечно, объясняло, почему на столешнице на кухне стояли чашки «Атланта брейвз», на стенах висели флаги «Атланта брейвз», на рабочем столе красовался календарь «Атланта брейвз», а у окна – лампа «Атланта брейвз».

Даже с открытой дверью воздух в кабинете был удушливый. Стоял один из тех жарких и влажных летних дней, когда приятно поплавать в реке, и ничего более. Рубашка Бет намокла от пота, а поскольку на ней были шорты, то ее ноги прилипали к виниловому креслу, в котором она сидела. Каждый раз, передвигая ноги, она в награду получала противный «липкий» звук, как при отклеивании клейкой ленты от картонной коробки, это было просто отвратительно.

В то время как Нана считала обязательным содержать собак в прохладе, она так и не удосужилась установить кондиционер в кабинете. «Если тебе жарко, просто открой дверь, что ведет в питомник», – всегда говорила она, игнорируя тот факт, что большинство нормальных людей в отличие от нее не выносят постоянный собачий лай. А сегодня в питомнике как раз собралась парочка маленьких крикунов: два терьера Джека Рассела не переставали гавкать с тех пор, как пришла Бет. Бет решила, что они пролаяли всю ночь, поскольку другие собаки тоже казались сердитыми. Время от времени остальные собаки вступали в злобный хор, повышая тональность и делая лай еще громче, будто каждая собака только и мечтала выразить свое недовольство громче предыдущей. А это означало, что она ни в коем случае не откроет дверь, чтобы охладить кабинет.

Она поразмыслила над тем, чтобы сходить в дом за очередным стаканом ледяной воды, но ее посетило странное чувство, что хозяева самки кокер-спаниеля, отдавшие ее на обучение послушанию, вот-вот появятся. Они позвонили Бет полчаса назад и сообщили, что уже едут: «Мы будем через десять минут!» А они были из тех людей, которые очень расстроились бы, если бы их кокер-спаниелю пришлось просидеть в питомнике на минуту дольше, особенно после того как она две недели провела вдали от дома.

И что, они уже здесь? Конечно, нет.

Бет было бы намного проще в компании Бена. Она видела его сегодня утром в церкви с отцом, и он казался хмурым, как она и ожидала. Как всегда, для него визит к отцу проходил невесело. Он позвонил ей вчера вечером перед тем, как лечь спать, и сказал, что отец провел большую часть вечера, сидя в одиночестве на веранде, пока он сам убирал кухню. «С чего бы это?» – задумалась она. Почему Кит не мог просто порадоваться, что сын рядом с ним? Или просто посидеть и поговорить с ним? Бен относился к тем детям, с которыми легко поладить, и она утверждала это не потому, что была необъективна. Так и быть, ладно, признала она, быть может, она немного необъективна. Но как учитель она проводила время с множеством разных детей и знала, о чем говорит. Бен

умный. У Бена искрометное чувство юмора. Бен обладал добротой от природы. Бен вежлив. Бен – отличный мальчик, и ее сводила с ума мысль о том, что Кит слишком тупой, раз не видит этого.

Она действительно хотела бы оказаться сейчас в доме и заняться… чем-нибудь. Чем угодно. Даже стирать белье интереснее, чем сидеть здесь. Здесь у нее появилось слишком много времени для размышлений. Не только о Бене, но и о Нане. И о том, сможет ли она преподавать в этом году. И даже об удручающем состоянии ее личной жизни – это не переставало ее расстраивать. Как чудесно, думала она, было бы встретить какого-то особенного человека, с которым она могла бы вместе смеяться, который любил бы Бена так же сильно, как она! Или даже встретить мужчину, с которым она могла бы сходить на ужин или в кино. Нормального мужчину, который не забывает класть салфетку на колени в ресторане и периодически открывает перед ней дверь. В этом нет ничего сверхъестественного, правда? Она не солгала Мелоди, когда сказала, что в городе у нее небольшой выбор. Она первая была готова признать, что чересчур разборчива, но все же, если не считать Адама, она то и дело в выходные сидела дома весь прошедший год. Сорок девять из пятидесяти двух уик-эндов. Она была не настолько разборчива, это точно. Просто Адам оказался единственным мужчиной, который пригласил ее на свидание, а потом по причине, которой она до сих пор не понимала, вдруг перестал звонить. Это и положило конец ее любовным похождениям за последние годы.

Большое дело, подумаешь! Она так долго жила одна, что и теперь продержится. К тому же в основном это ее не беспокоило. И если бы сегодня день выдался не такой невыносимо жаркий, это вряд ли беспокоило бы ее сейчас. Что определенно означало: ей пора освежиться. Иначе она скорее всего начнет думать о прошлом, а его она ворошить не хотела. Нащупав пустой стакан, она решила принести еще ледяной воды. И раз уж она отправится в дом – маленькое полотенце, чтобы подложить под себя на кресло.

Поднявшись с места, она оглядела пустынную подъездную аллею, усыпанную гравием, нацарапала записку со словами, что вернется через десять минут, и прикрепила ее к входной двери кабинета. Снаружи палило солнце, заставляя ее пробираться к дому, в котором она выросла, под тенистыми ветвями старой магнолии. Построенное около 1920 года, их жилище напоминало широкий и низкий фермерский домик, окаймленный большой верандой, с резным молдингом у крыши. Задний двор, закрытый от питомника и кабинета высокой живой изгородью, затеняли гигантские дубы, а на земле лежали настилы из

досок. Поэтому обедать и ужинать там было одно удовольствие. Должно быть, когда-то давно это место отличалось великолепием, но, как и многие другие сельские дома близ Хэмптона, их дом пострадал от времени и ударов стихии. Теперь веранда просела, полы скрипели, а когда налетал достаточно сильный ветер, бумаги слетали со столов даже с закрытыми окнами. Внутри дело обстояло примерно так же: прекрасная крепкая основа, которая все же требует обновления, особенно на кухне и в ванных комнатах. Нана знала об этом и то и дело твердила, что нужно что-то с этим делать, однако это всегда откладывалось в долгий ящик. Кроме того, Бет должна была признать, что это место до сих пор обладало своеобразным шармом. Не только задний двор (который и правда был оазисом), но и сам дом. Долгие годы Нана захаживала в антикварные магазины, она отдавала предпочтение французскому искусству XIX века. Еще она часто проводила выходные на домашних распродажах, копаясь в старых картинах. Она знала толк в картинах в принципе и подружилась с владельцами не одной галереи на Юге. Картины украшали почти каждую стену в доме. Как-то раз забавы ради Бет набрала фамилии некоторых художников в «Гугле» и узнала, что другие их работы висят в Метрополитен-музее в Нью-Йорке и библиотеке Хантингтона в Сан-Марино в Калифорнии. Когда она поведала Нане о том, что обнаружила, та подмигнула ей и сказала: «Это все равно что потягивать шампанское, правда?» За витиеватыми фразами Наны скрывалось ее природное чутье, острое как бритва.

Когда Бет дошла до веранды и открыла дверь, ее обдало потоком прохладного воздуха, который действовал так освежающе, что она задержалась на пороге, наслаждаясь этим ощущением.

– Закрой дверь! – крикнула Нана. – Ты выпускаешь воздух. – Она повернулась в кресле, окинув взглядом Бет. – Ты выглядишь так, как будто тебе жарко.

– Мне жарко.

– Полагаю, в кабинете сегодня как в печке.

– Думаешь?

– Думаю, надо было открыть дверь в питомник, как я тебе и говорила. Но это мое мнение. Что ж, заходи и охладись немного.

Бет подошла к телевизору.

– Ну как дела у «Брейвз»?

– Как у пучка морковки.

– Это хорошо или плохо?

– А морковки умеют играть в бейсбол?

– Наверное, нет.

– Вот тебе и ответ.

Бет улыбнулась, направившись на кухню. Нана всегда раздражалась, когда «Брейвз» проигрывали.

Из морозилки она достала форму для льда и вытряхнула из нее пару кубиков. Бросив их в стакан, она наполнила его и с удовлетворением сделала долгий глоток. Осознав, что она еще и голодна, она взяла банан из миски с фруктами и отправилась назад в гостиную. Она облокотилась о подлокотник дивана, почувствовав, как пот испаряется с кожи, оставляя приятный холодок. Она наблюдала то за Наной, то за игрой. Ее так и подмывало спросить, сколько раз мяч коснулся земли в зоне соперника, но она знала, что Нана не оценит такую шутку. Во всяком случае, не тогда, когда «Брейвз» играют, как пучок морковки. Взглянув на часы, она вздохнула, поняв, что пора возвращаться в кабинет.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Джонни Карсон – популярный американский комедийный актер и юморист, который вел собственное шоу. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Клейтон ошибается: фамилия читается как «Тибо». В дальнейшем он будет умышленно повторять свою ошибку.

3

Медаль «Бронзовая звезда» вручается за участие в военных операциях, в том числе операциях по обеспечению боевых действий.

4

Медаль «Пурпурное сердце» вручается за одно боевое ранение.

5

Гритс – традиционное блюдо южных штатов из грубо размолотой кукурузы, похожее на мамалыгу.

6

Эра биг-бэнда – время биг-бэндов, больших оркестров, исполнявших главным образом джаз. Расцвет музыки биг-бэндов приходится на 1930-е гг.

7

Малая бейсбольная лига – организация, объединяющая детские бейсбольные команды.

Купить: https://tellnovel.com/ru/nikolas-sparks/schastlivchik-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить